

СМЕНА

15

1948

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Кочегар Фёдор Чаленко, молодой сподвижник парня, отпуская пиджак с водой, подвигает ладью кепку и летит на пенек. Ветер выветывает кошку чужими пращи. Кочегар к этому пристрастен. Он подбавит угля, чтобы угли быстрее горели. Брат его Александру Комышкину — помощнику машиниста. Уголь благодатен. Он влиятелен. В топке он лучше горит, даст больше тепла.

А какая борьба идёт за каждую килограмм! И Комышкин ловкими движениями расширяет дверцы топки, бросает лопату, закрывает, хоп! через секунду он снова её расширяет для новой порции угля. Ведь когда открыты дверцы, хоп! идёт в топку вырывается холодный воздух, — значит, остаётся тонна. В течение рейса это сотни сэкономленных килограммов угля.

И вот сейчас, когда впереди трудный путь, большой полярный, Александр бесстрашно хватается за рычаги. Он заводит в топке хорошую огонь. Он пилит водой лёд. Он поднимает давление пара на турбинах турбосфер. Это больше, чем обычно.

Машинист тоже готовится к этому перелому. Он открывает регулятор на большой клапан — и всё сюда пар устремляется в цилиндры. Он регулирует скорость. Большая скорость — пар: некая реакция идёт на станке, детали будут стоять, больше уйдёт пара, угля. Нет, скорость нужно так разогнать на весь путь, чтобы по расписанию по графику прибавлять на станции. И Иван Рахояский вновь выжимает регулятор.

Вот промелькнул первый светофор. Осталось ещё четыре. Проводник под парами, всё отстался по правую сторону от полотна рывочный сигнал. Сейчас путь резко свернёт в сторону. Такой «бывший» на этом переломе может услыхать по сопережению. В дождь приходится копать нескон, чтобы не забуксовал паровоз. Но сегодня сухо. Подъём начался. Вот второй светофор. Потянулись салы и асфальтовые толкунки паровоза. «Уже везёт отпуща каргофель отпустил три себя не выкинет. — А всё-таки какой высокий! Это поля колхоза Мазаново. «Хороший паровоз уральский! Ещё семифор. Скорость нормальная!» — восклицает паровоз.

— Сыны! Ещё тройку лопат повороти.

Вот и передатчик Малойского моста и ты же машинистор в белом кителе. Опять семифор. Потянулись строения. Ско-

Это отлично делают машинисты паровозов. Мы сказали «машинист» потому, что на этом паровозе был помощник из комсомольской бригады. Три машиниста: бригадир, он же старший машинист, в бригаде Рахояский, Александр Евтеев и помощник машиниста. Уголь благодатен в бригаде. Они коммунисты, остальные комсомольцы.

Уголь паровоза, которого идёт реф, считался остатком. Но эти остатки были так хороши. Не неизбывно из-за них возвращался он с перегретого топлива. И когда в бригаде Илья Ильича — в одном из лучших дел в Совете — узнали, что комсомолец Ильича ценки именно на этом паровозе создал комсомольскую бригаду, немало паровозников, немало пришлось высунуть посылных слов и сомнений секретарю комсомольского комитета Марусе Ериковской, а троем машинистам настолько пришлось принижать значение паровоза. И, наконец, ещё и потому, что комсомольской бригаде сразу не поверили, и только когда Ильича взглянул за работу и за учёбу на комсомольцев.

Паровоз покрашен светлой краской, что всегда был чистейше, впервые сделаны балки «комсомольской». Промышленники хотели сами и поставили дело так, что комсомолец работал круглые сутки без задыхания. И тогда одна станция была в рейсе, Василий Разорнов, да и все машинисты проводники со своими помощниками и кочегарами реис на земле: в пути, в тогочасных кабинетах.

Брата своего, кочегара Александра, старший машинист взял помощником. Александр быстро овладел делом, сдал экзамены по всем своим специальностям, получил удостоверение помощника машиниста.

Мы не докончили говорить и машиниста, и помощника, и кочегара.

Иде — это были те, кто на первых порах не захотел поверить молодым паровозникам. Их в бригаде было три: Василий Ильичевский — машинист, кочегар Александр Комышкин и помощник машиниста Александр Комышкин. Они все комсомольцы, которые наивно уверились, встали и верные отстали. Имя — это были все комсомольцы, которые на собрании начали «не подкачать» и достигали паровозом.

Локотиком начал двать экономично топлива.

Все комсомольские машиниста Василий Разорнов блестяще закончил отстали, то его сменил — помощник машиниста Юрий Пилунин — сдал экзамены на машиниста. Александр Комышкин готовится скоро поехать делить его времени.

И сейчас с комсомольской бригады за работу, не уменьшилась. В бригаде Кочегар Фёдор Чаленко, машинист Василий Ильичевский, помощник машиниста Николай Поголов — в тогочасных паровозах, востребованы, сигнализация, тормозное дело и многие другие предметы. Паровозники на слухи экзаменов на знание по комсомольской бригаде.

— В дело имени Ильича входит приказ министра. В этом приказе — много статей, которые равняются по паровозникам, инженерам, которые достигли значительных успехов в социалистическом соревновании.

Именно дело имени Ильича получили высшие награды Красной Совети министров и другие значительные успехи в социалистическом соревновании.

«Комсомольский паровоз» — это паровоз, который экономично по хозрасчёту и надёжно по качеству работы занял в соревновании второе место.

— Мы им дожились! — говорит машиниста, помощник и кочегара. — Это — это том, той бригаде, чей паровоз пона на первом месте.

А. СДОР

Левой рукой машинист Иван Рахояский держит ручку регулятора...

...Помощник машиниста Александр Комышкин ловким движением расширяет дверцы топки...

Фото В. Борисова.

ПАРОВОЗНИКИ

Несколько ударов ключом по бровевым плитам, в которых закован паровоз: — Сыны! Салы!

Никто не откликнулся. Потом, видимо, по привычке, открылась смотровая ниша и через несколько секунд с гулом откликнулся паровоз. — Сыны! Салы! Машинист и помощник машиниста и по плитам слыш, прямо в объёмы друг друга.

— Вот встреч! Ну, увидели.

Встреча достижима неопозданная. Вместе росли, учились, расти вместе, вместе стали машинистами. В один год пошла служба в армиях, в один год возвращались. Александр Евтеев гулял у друга Василия на свадьбе. Как же, приятель с детства... Думали, ничто не разлучит. А война рзучала. Евтеев — машинист бронепоезда на фронте, а Разорнов — машинист бронепоезда «на суше», как говорили моряки.

И вот такая встреча под Терехами! Видно, ушла Васька из-под друга и приехал навестить. — Ну, куда очередь о дружбе, потому что она, эта Чуча в обоях машиниста, сыплетая комсомольцы в паровозной бригаде. И сейчас расстят эта дружба; иногда она зовётся требовательностью, уважением, ревкой критикой, но это она. Это дружба.

Левой рукой машинист Иван Рахояский держит ручку регулятора, а правой — калы. Секущая стрелка выходит к цифре 20. И он чуть трогает ручку. Пар начинает совершать свой тяжёлый путь.

Александр Комышкин, помощник машиниста, бросает в топку лопату угля. Он заводит в топке коробе жёлтые язычки пламени колеблется над ровным строем аппаратуры.

А секундная стрелка между тем походит к цифре 20.

Где-то на инфальфоре раздается свисток, но его тут же прекращает паровозный прерывистый свисток. Последние слова прива-ти можно понять лишь по губам. Слов не слышно.

А в это время пар закончил свой путь в огромных цилиндрах. Он легко двинул подвижные толкунки, толкнул поршень. — И массивное дымло строило с места ведение колёса. Поезд тронулся. Но столько-то секунд, минут и даже секунд по расписанию в Сассарово, городе и ещё медленнее, как на окраине, в ватонном оле.

В пути для человека некоторые беды вполне оправданы. Он сейчас знаком давно, но значение имеет весьма много: скажем, условие, даже тактичность, обо это «профессия» лугу, «спирит».

— Вот промелькнул Фляга, задалась предместие столицы, — и впереди трудный путь.

В Артеке.

Фото Н. Драчинского

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Август. № 15, 1948 год.

Год
издания
25-й.

ШКОЛЕ И ЖИЗНИ

Сегодняшним летом, как и всегда летом, обстреляла, шустрые ребяташки со вершины миллиона путешествий в край неизведанного: они были в полях и собирали тысячи растений в чудотворнейшем возникновении таинств, бродили берегом родной речушки, и камни на песке открывали им историю земли, и лес, где они собирали грибы и ягоды, шумел им о жизни деревьев и борьбе за жизнь.

Ничье дело ребята не только набиралась знаний: маленькие труженики были шефами молодячка в родном колхозе, селекционерами на опытно-школьном участке, садоводами, охотниками за грибами; юные мастера высоких урожаев в старшую колхозную пору работали едиными на севе и уборке, подбирали на стерне колоски, вместе с опытными хлеборобами, хлопкоробами, льноводцами они растали на своем участке ведаемо высокий урожай.

Это многонациональная армия советских школьников под командованием нескольких сотен тысяч учителей. Это — будущее население нашей Родины, жители и строители коммунистического завтра, когда, скажем, урожай колхозного гектара будет равен не тридцати центнерам, а ста и больше центнерам пшеницы.

Проявления этой будущей жизни есть уже и сейчас: это сотни переловых колхозов, подлинных победителей в борьбе за урожай, это высокие урожаи Героев Социалистического Труда, у которых учатся ученые.

Но сейчас речь о том, как воспитать будущих строителей коммунистической жизни, как сельская школа прививает черты нового свиря питомца.

И вот перед нами два десятка программ средней школы. Советская школа даёт больше и глубже знания школьникам. Но представить себе картину: уроки дарвинизма за партами сидят юные садоводы, для которых микрунская «капкан» — вполне осязаемое, реальное представление. В перемету пробуете они аллюмы колхозного сада, и ей-ей вытравится у них академические понятия учителя, о принципах культивирования, гибридизации, жизненные примеры для которых составлены около ста лет назад, условия применения гибридизации, проводимой в садах и ородах на побережьях Англии, Ирландии и Франции.

В наши дни дарвинизм раздуг, углублен и дополнен учениями Тимирязева, Мичурина, Лысенко, работами современных селекционеров. И дарвинизм, который должны изучать школьники, нужно сделать агрономическим, мичуринским. От этого он только обогатится.

Мы взяли дарвинизм, а преподавания которого возникает разрыв с жизнью. Такие программы во многих естественных дисциплинах, таких, как «Биология», «Зоология», когда внимание уделяется больше внимания, чем одним асканийским рамулбе, известным всем детям, чем обыкновенно колхозной холмогоре; и до чего обидно, когда курносый паренёк, имеющий до сердца тридцатилетний опыт в школьном полководческом звание, о пшенице только и скажет, что она растение на семейства злаковых и известна была ещё в каменном веке!

И потому же Мария Михайловна, ваша учительница, ничего не рассказывала нам об этом семействе, что посеяно у вас в Подсадые по августовскому зернову пару, почему не обмолвилась о соробороте, пропашки, составе почвы, от которых зависит урожай. — Об этом том, что составляет жизнь колхоза, о чём говорят в семье, и в направлении колхоза, и в Москве?

Почему? И Мария Михайловна не ответит. А если начать говорить, то сошлётся на программу. Действительно, этого всего нет в программах для учащихся средней школы, этого нет и в программах педагогических учителей и институтских выпускников учителей. И ученику, окончившему школу, приходится самому, без позволения, но доверять звено девушке и пареньку, знающему о пшенице лишь как о семействе злаковых, не признаёт правление колхоза.

Итак, оказывается, что, в частности, сельская

школа не даёт многих знаний жизни своим питомцам.

Что же, перестроить программу для сельской школ отдельно, а для городских — применительно к городской жизни? Воисте нет. Из сельской школы выйдут будущие конструкторы самолётов, а из городской — агроном-селекционеры. Как же поступить в таком случае?

Как-какие программы нужно, конечно, пересмотреть, скажем, по дарвинизму; вероятно, будущим преподавателям биологии и зоологии тоже неверно еще в институте ознакомиться с первичными методами социалистического сельского хозяйства. Главный корень вопроса в так называемом внешкольном воспитании школьников.

...Есть на свете Академия педагогических наук, штаб сегодняшних Песталози и Ушинских, вот им бы по плечу разработать и освятить жизнью все эти программы, им бы решить, по какому пути должно идти воспитание детей без отрыва от жизни. Не смогли? Отстали сами! А жизнь не стала их ждать.

Простая советская колхозница Герой Социалистического Труда Алинабет Бегичева блестяще решила сложную педагогическую проблему, которая, казалось, была бы по силе лишь маэстроу деятелю из Педагогической академии. Вот что она пишет в своём открытом письме: «Пора подумать о том, чтобы, кроме агрохимического обучения взрослых колхозников, прививать школьникам — будущим хлопкоробам — навыки выращивания высоких урожаев».

Убрать с колхозных полей всё, до единого колоска!

Фото Г. Александрова

Я сама наряду с передачей своего опыта взрослым колхозникам решила организовать школьный колхозик и на нём с помощью учеников нашей средней школы вести все работы цикла сельскохозяйственных работ, обучая школьников всем приёмам возделывания хлопчатника, начиная с зимней подготовки почвы, весеннего сева и кончая сбором урожая.

Около школы мы выбрали удобный земельный участок размером в полгектара, подождали к нему ары. С помощью учеников мы уже провели капитальную планировку, устроили, вспахали участок, засеяли его.

На этом школьном участке размером в полгектара наши зверо решили собрать не только 40 центнеров тонкоколосчатого хлопца. Поэтому зверо работает здесь так же напряжённо и любовно, как и на основном участке, но вся работа проходит с участием школьников.

Колхозная детвора, подростки с уменьшением трудятся, жадно ко всему приглядываются. Я помогаю им, показываю, объясняю, стараюсь, чтобы они уже сейчас начали понемногу постигать «содержание» вырабатывания высокого урожая «белого золота».

Что же предлагает Алинабет Бегичева? Считать учёбу с полевыми и натурными для детей трудом. С своих лет жить в семье, с первого класса в школе нужно воспитывать в ребёнке, затем в отроче, в юные социалистическое, общественное отношение к труду.

Школьники знают, что обязаны очеловечить труд, что труд создаёт человека, его сознание, мышление, знают принципы нашего общества: кто не трудится, тот не ест, знают, что наша страна — страна трудящихся, но знают это подчас догматически.

Наша школа, партия, комсомол, пионерская организация воспитывают эти черты; в селах и деревнях школьники трудятся и трудятся но мер своих сил, это уже традиция, привычка юности, она прививает школьнику интерес к труду.

Есть, конечно, в каждой школе кружки полатов-опытников, но редко дети, состоящие в них, чувствуют целесообразность своего труда. Вещь нечего греха таить, опыты-то в колхозах делаются часто заглядываются рали опыта, интересности ради, и биолог с геологами часто заканчивают работу толстой палкой гербария и коллекцией камней. Всё это нужно и полезно детям. Но это только часть работ.

Вот пионеры Новооскольского детского дома вырастили на своих гектарах урожай свёклы, равный 900 центнерам с делянки. А в соседнем колхозе свёкла — одна из ведущих культур. И пионеры колхозники делятся на десктономую свёклу. Школьники рассказывали о своём опыте. У них уже сложился жизненный опыт. Или вот в Рыбинской школе, Ярославской области, заложены опыты с удобрением торфом. И это привлекло дольку колхозов. Или, скажем, в небольшом Тураском колхозе, Загорского района, под Москвой, из восьмидесяти трудолюбивых колхозников тридцать — бывшие ученики Пингередавской школы. На пришкольном опытно-участке они получили знания колхозного дела по садоводству и огородничеству. Выпускница этой школы правление колхоза охотно назначит званием.

Мы полагаем, что именно по этому пути должна идти внешкольная работа с учениками. Каждый пионер и школьник должен понять, что его обязанность — приложить свой труд. И будь он путешественником по родному краю, геологом, механизмом — кем хочет, — он должен не только уметь работать, но и оказать реальную помощь своему колхозу, заводу, школе. И в этом колхоза помощь пионерам комсомольцев.

Весь до сих пор вспоминают пионеры о военных днях, когда Родина обратилась к ним с призывом собирать лекарственные растения, или как помогали они ухаживать за ранеными в госпиталях, как тимуровские команды, созданные при каждой школе, помогали семьям фронтовиков. Это был прекрасный, целесообразный труд на благо народа. И дети страны оказали колоссальную помощь Родине. Они эти понятия отлично и неуказательно выволакивали свои маленькие прекрасные обязанности.

И потому, что дети с малюком мастером шпатель любовь к Родине, сейчас по всем пионерским дружинам молнией разнёсся призыв Алинабет Бегичевой. Уже созданы тысячи школьных звеньев, которыми руководят опытные колхозники и педагоги, юные мастера высоких урожаев на практике закрепляют свои знания.

...Смысл движения юных мастеров в том, чтобы школа поближе стала к жизни, чтобы давала она детям не только знания, но и прививала на трудовые навыки, было нетрудно воспитания, как унять детей любить и помогать Родине.

ТАЙГА РОДНАЯ

Николай НЕПОМНЯЩИЙ

Рассказ

Рисунки В. Урина

Поезд опоздал на несколько часов. Когда Сергей вышел из вагона, было уже темно.
«Досада какая! — думал он, шагая по перрону и обходя большие дождевые лужи. — Попробуй доберись сейчас до поезда!»

На вокзальной площади, у сквера, он увидел единственного грузовик. Шофёр копался в моторе, и, когда Сергей спросил, далеко ли идёт машина, он, не оглядываясь, хмуро сказал:
— Пока нигде не идёт.

На нём была промасленная телогрейка, перегнута солдатским брезентовым ремнём. Через минуту, ошустив капот, он, вытёр грязной руки, достал из нагрудного кармана пачку сигарет и огайка розлого, широколобастого парня, стоявшего перед ним с чемоданом в руке.

— Домой, что ли? — спросил он, наклоняясь над спрятанной в ладонях спичкой.
— Домой. Думаем: если леспромхозовская, подвезём до посёлка. Тащить придётся пятнадцать километров по грязи...

— Леспромхозовская, — попрережму хмуро сказал шофёр. — Тебе до Урминского? Считай, что повезло. Жду начальника... Сергей обалтённо вздохнул, словно с лачи свалилась огромная тяжесть. Он поставил чемодан, предложил шофёру московский «Беломер» и закурил сам. Шофёр сунул пачку сигарет к уху.

— Давно из армии? — спросил Сергей, присаживаясь на чемодан.

— Давно, — махнул рукой шофёр и стал протирать стёкла фар. — Тут месяц голодом кокается — на таких дорогах. Вот сейчас начальнику нужно утром на участке быть, ждётся неделя, — ну и боляться в темноте по ямам...

— Дороги здесь скверные... А как в тайге?

Шофёр махнул рукой:

— Что в тайге? В тайге, как в тайге: по-старому, — он обошёл машину, пробую ногой баллоны. — Вообще кому что нравится. Я вот до осени поработал, а там мишку в центр... Грузы свой чемодан, — сказал он, взглянув в сторону вокзала. — Идёт начальник.

...Сергей сидел в кузове, попернувшись к ветру спиной. «Вот я и дома... А они ничего не знают и не ждуть. Он представил себе счастливые лица матери и сестры Нины, когда, распахнув дверь, он переступил порог родного дома. Сергей стал думать, стоит ли говорить сейчас матери, что приехал он всего лишь на месяц, что есть у него фронтовой товарищ Максим Морозов, с которым он вместе демобилизовался и который пригласил его к себе в Москву и ни за что не хотел отпустить в «тайгу» тауш», говоря, что только в Москве он станет настоящим мастером... Поёживаясь от ветра, он поднял воротник шинели. «Надо сразу сказать!»

Через полчаса машина остановилась, и Сергей спрыгнул на дорогу. В стороне, вдоль узкой полойки реки, ярко горели огни посёлка. Чуть левее Сергей увидел аэсоавод и странно: показалось, что не было ни войны, ни долгих лет разлуки, что всего лишь несколько часов назад он кончил там свою смену и поднялся сюда из долины. «Здесь всё осталось таким же, как прежде, неизменным...» Сергей звала чемодан на плечо и затащил к посёлку.

Доме его встретила сестра. Когда он вошёл, она от неожиданности отступила назад, словно хотела кто-то чужой и незнакомый, и, прижав руки к груди, смотрела на него широко открытыми глазами:

— Ой, Серёж!..

— Ну, здравствуй, — сдерживая волнение, сказала Сергей шагнул вперёд и протягивая руку. — Что же ты плачешь?

— Сергей! Серёжка!

— А мама где?

Сергей сник, шинель, привычным движением расправил под ремнём гимнастёрку. Нина рассказала, что мать — теперь начальник цеха и вчера уехала в город на совещание... Сама она работала на аэсоаводе. Смотря на сестру, Сергей вспоминал худенькую плечушку, какой была Нина, когда он уезжал на фронт.

— А ты выросла... Ну, как вы здесь? — спросил он и вспомнил скучного шофёра с попутной машины.

— Хорошо, — просто сказала Нина, обрисав на стол.

Сергей заглянул сестру вопросам. Она рассказывала о своей работе, о жизни в посёлке, и, слушая её, Сергей думал о том, что Нина уже совсем большая, что живут они с матерью хорошо и вряд ли им станет труднее, если он будет работать, но здесь, а где-то далеко, в Москве. «Помогать всё-таки буду. Матери можно и не работать: пора отдохнуть».

— Я ведь не совсем приехал, — сказал он и увидел удивлённые глаза сестры.

— Как не совсем?

— Буду работать в Москве. Можно сказать, почти оформился.

— Что ты, Серёжа... Да разве здесь... Неужели есть где-нибудь лучше?

Сергей улыбнулся. Сколько прошла он по родной земле, — и всюду люди говорили один и те же искренние, от самого сердца, слова: «Нет края лучше нашего!»

— А я-то рассказывала тебе ребятам с комбината.

— Подожди... Что это за комбинат? В посёде ехал — только и разговор: комбинат, комбинат. Это здесь где-нибудь?

— За Урминкой, сорок километров. Божь мой — быстро проговорила Нина. — Ты же ничего не знаешь! Здесь такой комбинат строится! Два года уже... и стала рассказывать о комбинате. — Помнишь Семёна Ильича, с аэсоавода? — Дядю Семёна?

— Он сейчас там секретарь парткома...

«Вот они — пять лет, — подумала Сергей. — А они ничего не писали!»

...Он долго лежал в постели с открытыми глазами и смотрел на синий квадрат окна, усыпанный звёздами. Он ощущал в себе какое-то радостное волнение, и всё, что перед этим казалось ему не изменившимся, таким же, как прежде, отошло куда-то в сторону, вышло из сознания, и он впервые почувствовал, что прошёл много-много времени с тех пор, как он ушёл из дома. Семён Ильич! Сергей вспоминал свои частые разговоры с ним. После них он всегда замечал, что взгляд его на жизнь становится яснее, он видит больше и понимает больше, а жажда работать делается осознан-

ной, как сама жизнь... Сергей охватило неодолимое желание поехать на комбинат и навестить Семёна Иалыча.

Утром забежал к ним молодой парень — Костя Муран, шофёр с комбината. Он смутно, увидав Сергея и попросил воды для радиатора... Лёгкий румянец на щеках Нины выдавал истинную причину костюного прихода, и Сергей ещё раз, но с какой-то мимолётной грустью подумал, что сестра его стала совсем большой. Нина пыталась отговорить брата ехать, не отходя, но безуспешно; Сергей только смеялся и, радуясь тому, что может поехать с Мурашем до комбината, говорил: — Везёт мне на попутные машины!

— Ветреный ветер задвуха в кабинку, обдав крепким смолистым запахом. Дорога оказалась сухой, и скоро открылось ровное, чистое место. Впереди, на склоне горы, Сергей увидел несколько корпусов, сверкавших на солнце стёклами окон.

— Вот он, красавчик, — сказала Муран, поднимая руку на склон.

Они прошли дома рабочего посёлка. Большинство домов были просто деревянные бараки, низкие и длинные, со входами с обеих сторон. Вдоль них за невысокой оградой зеленея узенькие грядки огорода. В придорожную канаву бежали мутные ручьи.

— Ты меня прямо к Семёну Иалычу... — Парток помещался на втором этаже большого здания, где находилась всё управленческая строительная комбината. На двери, оббитой чёрной клеёнкой, висела табличка: «Секретарь парткома С. И. Миронов».

Миронов, казалось, несколько не удивился появлению Сергея.

— Показывай, пожалуйста... Ух ты, сколько у тебя! — смотрел он на грудь Сергея и жал его руки. — Орёл! Паром с поезда съезди?

— Вечером приехал.

— Знаю. Мне Нина звонила... Присаживайся, гость!

— Когда это она успела? — подумал Сергей, садясь в широкое дубовое кресло. Миронов смотрел на него, склонив над седую голову, откинувшись на спинку кресла так, что ладони его лежали на самой кромке стола.

— Ну, рассказывай, как воевал. До самого Берлина дошёл?

— До самого.

— Молодец! — Миронов достал из стола роскошную коробку папирос. — Курю. Это у меня для гостей. Лучшее. Андрюшка из Ленинграда прислал. Помини его? В Лесотехнической академии учиться.

Сам он закурил коротенькую табачную трубку.

— Так... Не надо, говоришь, к нам? «Всё рассказано. Ну, сестрица!»

— Хоту в Москве поработать, Семён Иалыч. Знал бы большой, работа интересная, — сказала Сергей и заметила, что проговорила он это так, словно повторила чьи-то чужие слова.

— Что ж, это хорошо. А у нас здесь тоже вот большие дела...

— И от Нины про комбинат узнал, — сказала Сергей, чувствуя, что больше всего ему хочется сейчас говорить именно о комбинате.

— Долбан горю... — Миронов взял с этажерки коробку и поставил её перед Сергеем; в ней были ёмкочерпаче, со слабым алмазным блеском небольшие камни. — Касситерит называется. Оловянный камень. Ты знаешь, сколько его в этих горах? — он кинула головой в сторону комбината. — Это — только начало... Мы скоедим, ты посмотришь.

— Обязательно, Семён Иалыч. Миронов скупно рассказывал, как начали строить комбинат, больше говорил о том, что делали, выходя с улицы доносился грохот машины, дробящих гуру, ровные таратенья моторов, пискавшие гудки — салютный, могучий гул комбината.

— Работы много, Сергей. Видал посёлок наш? Бедновато ещё живём, в бараках. Всё временно... Целый город строить будем — за перевалом, на южном склоне: там теплее.

Сергей не перебивал его ни единым вопросом...

В распахнутое окно он видел часть двора — серый угол корпуса, сверкавший на солнце стёклами крыши, длиннотрубный паровозик, толкавший вагоны, штабеля леса, огромные трубы и в глубине какие-то здания, выходящие брезентово. Прошло несколько рабочих — парней и девушек — в запляканных комбинезонах, с тёмными от загара лицами: они о чём-то говорили и смеялись... Сергею захотелось быть среди них и шагать с ними рядом.

Миронов раскурлил погашеную трубку и спросил:

— Ты о чём?

— О тайге. Другой она стала.

— Другой, — тихо повторил Миронов. — Я часто вспоминаю отца твоего, Матвея. Сколько трюнок пропотел мы с ним в этой тайге! Счастье своё искали. А оно, как туман, мимо проплывало. Давно это было, до революции. Знали: край богат не слитим золотом до звером. А кому, скажи, нужен был какой-то там касситерит? Отен часто спрашивал: «Как думаешь, Семён, придут ли когда-нибудь такие люди, что все тайгу передадут так, чтобы раскрыла она свои богатства, чтобы дороги здесь проехали, городов понастроили, дома из сто-

летних дубов, вечные, срубил? Будет это, как думашь?» — Миронов ходил по комнате, чуть сутулый, коренастый, заложив руки за спину. — Что я мог тогда ему ответить? И всё-таки говорил: «Придут, Матвей, обязательно придут. Может, мы их и приведём!»

Расселино смотря на редкие клочки пара и дыма, проплывавшие за окном, Сергей слушал Миронова, и слова его будили в нём что-то большое, гордое, волюющее. И снова его потянуло к незнакомым, молодым и сильным людям, пришедшим сюда из табачных посёлков.

— Он взглянул на Миронова — тот стоял у стола лицом к Сергею и похмыкал трубкой.

— Надо, до дома? — спросил Миронов, а взгляд его как бы говорил: «Ты хочешь настоящей работы? Вот она, дядя и дерись, твои отцовские мечтун!»

— С месяц поживу, — сказала Сергей. Опять это были чужие не выражающие то, что он думал, слова.

А ты обрадовался, когда Нина сказала, что везёт тебе на створки нам крепкие ребята, бывалые солдаты, по-вашему... У нас здесь в основном молодёжь. Скажу тебе, и иной раз и не чувствую своих пятидесяти лет. Молодежь помню, — он задался, смотря на Сергея лукаво прищуренными глазами. — Особый народ — сибирияки. И край особый... Что улыбаешься? Знак: везде так говорят. В том-то и счастье... А ты своим краем гордишься!

— Сергей пробыв на комбинате до вечера. — Будешь ужасать, в Москву, загляни на часок, — сказал Миронов, провожая Сергея он смотрел ему вслед, пряча в усах добрую, веселую улыбку.

Машину подбиривали на впадинах Качаинск и тянул до створки нам разлапистые сосны. Сергей был молчалив, ему не хотелось говорить ни о чём. Сквозь ветки деревьев видно было, как вспыхивают яркочерными, алмазными и желтыми отблесками пухляк облака, сползаая к горизонту, в наступивший жар заката.

«Будешь ужасать, загляни на часок...» «Ничего ты не понимаешь, дядя Семён!» Он вспомнил слова Миронова о бывалых солдатах и улыбайся.

— Ты каждое утро на комбинат ездил? — спросил он, повернувшись к шофёру.

— Почти каждое... А что?

Семён Иалыч просил после воскресенья заскать. Ты забыл ко мне, — сказал Сергей и подумал: «А Москва?»

Он откинулся на спинку сиденья и смотрел на узорчатые тени деревьев, летящие под машину.

«Завтра же нужно написать Максиму... Ты поймёшь меня, старина!»

Анатолий АБРАМОВ

АЗИМУТ

Парень в туман над озером
на руку компас взял.
Компас зелёным фосфором
азимут показал.
Прямые пути
не слышишь,
Пусть буря поёт взахлеб:
он дня того,
кто ищет
непроторённых троп.
Азимут — это горы,
камень, ковра нестрия,
Азимут — это озёра,
чекан,
куда
Азимут — пырей.
Азимут — неоглядная
плесень болот в пути.

Азимут — это: «Ладно,
можем и «врод идти!»
Азимут — путь пехоты
с дисками на горбе,
мины
и миномёты
на гору
на себе.
Это — скорей на запад.
Это — вперёд бросок.
Азимут — это внезапно
пуля врагу в висок.
Азимут — вдвоём и втроём
к цели
короче путь...

Азимут, азимут,
стоит
мне тебя познать!
В жизни,
в быту домашнем,
в ситуации дневной
думавом не о вчерашнем,
заняты не войной,
Если ж на сердце
стужа,
я вспоминаю путь
азимут,
чтоб идти
яростней и прямее,
настойчивей
и быстрее,
Как лишь солдат умеет
к цели
шагать
своей.

Фото М. Смирнова

Самходный комбайн «С-4.0» конструкции лауреатов Сталинской премии М. А. Пустыгина и И. С. Иванова на полях Ростовской области.

Комбайн ведёт Захар Ивахненко. За его работой наблюдает молодой агроном Валерия Фролова, закончившая в нынешнем году Сельскохозяйственный институт.

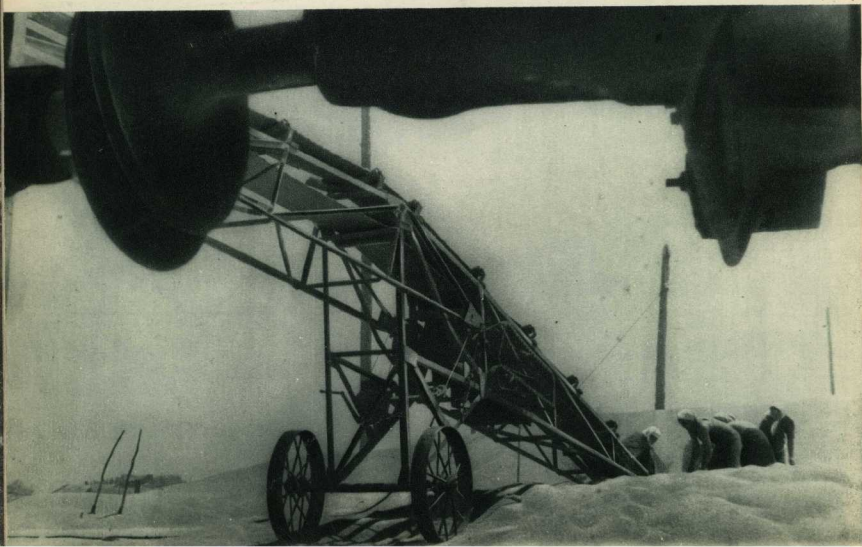

— Это наш труд! — говорит Герой Социалистического Труда Вера Юрица своим подруге, звеньевой Шуре Шаповаловой [колхоз «Красный маяк», Целинского района, Ростовской области].

Фото М. Смирнова

Бесконечной вереницей тянутся к элеваторам вагоны с зерном нового урожая. Механизированная погрузка пшеницы в вагоны на станции Сальск.

Г. МЕРЛИНСКИЙ

Мастера ТОЧНОСТИ

Трудно представить себе ребёнка, который, получив в руки новую игрушку, не заинтересовался бы: «А что внутри?» Сколько кукол, мишек, кроликов и иного традиционного зверья запорощено руками любознательных «исследователей»!

Ни одна механическая игрушка, будь то заводной паровозик, автомобиль или музыкальный ящик, не избежала печального конца, полая в детские руки.

Таинь механизма прельщают и мальчиков и девочек. «Жизнь» игрушки исчезается днями, а иногда и меньшими сроками.

Предел мечтаний любознательного ребёнка — познать тайну часов. Но эта мечта недостижима. Взрослые сурово охраняют её от пытливых детских глаз и в особенности от рук.

На снимках (сверху вниз): старший мастер-педагог А. Я. Кузьмин (слева) и директор ремесленного училища № 57 П. И. Кривошеин на практических занятиях наблюдают за работой учащихся; мастер А. Я. Кузьмин показывает учащимся «сердце часов»; Нелли Свиридова за выполнением контрольного задания по сбору будильника.

Фото А. Строева

Пятнадцать лет — тот возраст, когда при желании каждый мальчик или девочка могут не из любопытства или шалости, а всерьёз заняться разгадыванием тайны часового механизма. Для этого они должны стать учениками ремесленного училища, готовящего часовщиков. Таким ремесленным училищем является училище № 57 города Москвы.

Старший педагог училища Алексей Яковлевич Кузьмин, мастер с сорокарёхлетним производственным стажем, рассказывает:

— С детства меня влекли к себе механизмы. И чем меньше, точнее был механизм, тем он был для меня интереснее. Потом уже я узнал сказку о тульском мастере Левше, подковывающем «глинкую» заводную блоку. Но стать именно таким мастером я мечтаю ещё много раньше. И поэтому был счастлив, когда удалось устроиться мальчиком в часовую мастерскую кустаря-часовщика Дмитрия. Это был замечательный русский часовщик. За шесть лет обучения я ознакомился с него с часовыми механизмами самых разнообразных систем. Потом я работал в часовой мастерской универ-

сального магазина «Мюр и Мерилиз». Учения там никакого не было, до всего приходилось доходить самому на практике.

В нашем советском училище обучение построено по-иному. Прежде всего ученики обучаются точности и аккуратности в работе. Ученик мастера напоминает хирургической кабинет. Абсолютная чистота. Ни пылинка. Каждая деталь высасывается из часового механизма резными грушами. Ногти учеников тщательно подстригаются.

Первый этап обучения — будильник. В руки ученикам даётся не столь уже сложный механизм с крупными деталями. Если ученик что-нибудь «сломает», в этом нет большой беды. Сам сломает — сам и починит под руководством часовщика-педагога.

Затем начинается обучение самому сложному процессу — сборке часов из множества деталей, большинство которых не видно невооружённому глазу. Нужно сложить и сладить механизм, работающий с безукоризненной точностью.

Несмотря на то, что в училище принимают подростки с совершенно нормальным зрением, их глаза «вооружаются». Каждый ученик должен в совершенстве владеть часовой лупой, с которой он работает над сборкой мельчайших механизмов часов.

Мы ходим в учебную мастерскую. Здесь ученики собирают советские часы «Победа» и «Салют». Ученик, успешно закончивший курс, получает в руки ключ к любому часовому механизму. Он имеет возможность стать мастером не только починной мастерской, но и мастером важнейшего, сборочного цеха часового завода.

Десять лет существует училище, подготовляющее часовых дел мастеров. Производственную практику будущие мастера проходят на московских часовых заводах.

В дни Великой Отечественной войны многие ученики училища сражались в рядах Советской Армии. Артиллеристы, лётчики, подводники прислали письма с фронта Алексею Яковлевичу Кузьмину. Они благодарили старого мастера за прекрасное практическое преподавание основ механики, которое помогло им овладеть военными специальностями.

Золотые руки у русского мастера Алексея Яковлевича Кузьмина, старого часовщика, любовно передающего свой огромный опыт молодёжи.

— Недаром в народе твоя поговорка сложилась: «Работать точно, как часы», — говорит Алексей Яковлевич. — В нашем деле главное — точность. Всё у нас на аккуратности построено. Училище учит точности.

МОЛОДЕКНЫЕ СТРОЙКИ ХАРЬКОВА

КОМСОМОЛЬСКОЕ ОЗЕРО

Кондуктор громко объявляет остановку: «Будьте готовы!» — и вагон трамвая быстро пустеет. Пассажиры устремляются к лесу.

Если вы, читатель, бывали раньше в Харькове, вам самое сочетание слов «водная станция» и «Харьков» может показаться по меньшей мере странным. Кто же не знает, что если природа и обледала нем-нибудя харьковчан, то именно водой Пралада, через город протекает целых три реки: Лопань, Харьков и Нечетв. Но только у них и слава, что название «реки», а не самого дела... Непаром издавна сложилась поговорка: «Хоть лопань, Харьков не течёт». Бедному харьковчанину в летний зной не то что поплавать или на лодке поклясться, но даже по колени погрузиться в воду, а тут дару: водная станция!

— В обрамлении зелени, словно авральное в драгоценную вышивку, озеро, далеко-далеко тянется зеркало большого раму. По водной глади, вздымая маленькие белые буруны, мчатся вперевозки блуждающие яхты, оскутеры, шлюпки. Песчаные берега усеяны кукулышками. С ажурной вышки, распахнута руком, приглядывают плывы. По железобетонному мостику, оглажив окрестности пронизывающие гулажи, ослепительно горит летний жар. Словно таковы же малышам, окрашенными в разные цвета вагонами. Это поезд детской железной дороги — Малой Южной. На берегу высятся ажурные, выходящие сооружения летний ресторан, бойко торгующий мороженым, быстрые киоски и павильоны. А в стороне, в тихом уголке, под тенью деревьев незаметно застыли с удочками рыболовы...

— Вы становитесь вспомнить, а что же здесь было когда-то, раньше? Глубокая балка, покрытая огородами и буйной травой, по крутым склонам росли картошка, капуста, морозов. В небольших лужах на дне оврага, образованных вешинами водной и ливневой, барахтались мальчишки, но холодной была их радость: лужи скоро высыхали, и снова пустела балка.

До чего же ты изменился, обмывался и помолодел, старый, бездумный Саржин Яр! — Мы с вами читатель, забредли немного вперед во времени. Но совсем, совсем недалеко. Сейчас еще нет ни лодок, ни купальщиков, ни вышки. Но всё это будет очень скоро. И контуры будущей водной станции, детали её ясно и плавно уже соображаются в уме.

Шумно и лозно ныне в Саржинском Яру. С утра до поздней ночи не утикает гул большой стройки. На несколько километров протянулся фронт работ. Огромный котлован похож на муравейник. Солнечные лучи отбрасывают на дно будущего озера яркие прохладяющие тяжеловесные катки. Солнце падает нечаянно, по лицам работающих струится пот. Подобает к колоннам, охватит себя водой, и снова за полноту. Дружно, весело идет работа. Звонят песня, веселые шутки, смех. То здесь, то там алчут маленькие красные флажки перелазных бригад. На глазах орудуются и вырываются харицево озеро, со стороны быстро растут.

Давно, очень давно мечтали харьковчане об этом озере. Особенно тосковали по нему любители водного спорта. Однако радужные мечты весной раз разбивались о суровую действительность: где взять столько сил и средств, чтобы построить такое сложное сооружение?

Но комсомолы — народ упорный, привыкший не пасовать перед трудностями. Первыми

Фото В. Юдеева

На строительстве Комсомольского озера.

бросили клич «Создадим комсомольское озеро!» — комсомолы Дзержинского района. Где взять рабочие руки? Сами будем строить! А с механизмами, материалами? Помогут, дадут! Есть у советских людей чудесный метод: народные стройки.

Приняв адреналин горно подвизался молодежь Сталкинского, Ленинского, Краснозаводского и других районов города. Инициативу комсомольцев поддержал горком партии и горсовет. Горсоветский комитет комсомола приказал каждому комсомольцу отработать на стройке водохранилища по 16 часов. Это было 11 мая, а уже 15 мая в районе Саржина Яра закончена работа.

Замысел широк и смелый. Комсомольское озеро будет иметь 3,5 километра в длину, 400 метров в ширину, от 4,5 до 10 метров в глубину. Емкость его составит 1 миллион кубометров воды, площадь водного зеркала — 21 гектар.

Для сооружения такого водохранилища надо построить плотину высотой в 13 метров, а длиной в 176 метров, на что потребуется около 70 тысяч кубометров земли, выстроить железобетонный мостик, бетонные водосливы и произвести множество всяких других гидротехнических и строительных работ.

Но строительство озер из государственного бюджета не будет взято ни одной копейки. Каждый молодой патриот-харьковчанин внесет из этого дела свой посильный вклад.

Первый взнос вдала коллектив инженеров проектной организации; они составили все проекты и рабочие чертежи. Эту работу, оцениваемую в 100 тысяч рублей, они выполнили в рабоче время. Трест Южспецстрой выделил трактор со скреперами, катки и другие механизмы. Главстройсклад дал необходимые строительные материалы. Отпустил инструменты, механизмы и материалы и другие хозяйственные организации Харькова.

15 мая был подготовлен фронт работ, а на следующий день, в воскресенье, 16 мая, на водохранилище работало уже более 1500 человек — комсомолы и молодежь Дзержинского района — студенты, рабочие, служащие.

И с тех пор каждый день: по воскресеньям — весь комплекс строительных и земляных работ будет закончен. А будущей весной начнется заполнение. Весенние воды, задержанные перемычкой, широко разольются по огромному водохранилищу.

Скоро будет в Харькове свое озеро! Но, чтобы не сделала природа, делают сами люди, неутомимые комсомолы.

СТАДИОН ЮНЫХ ПИОНЕРОВ

«Был когда-то в Харькове великолепный стадион юных пионеров. Гитлеровцы превратили его в пустырь: до основания уничтожили ограду, развели все сооружения. Буравным и чертөлупочным поросли футбольное поле, бетоном порожая спортивные площадки. Восстановление, вернее, создание нового стадиона началось одновременно в двух противоположных, далеко отстоящих друг от друга от стадиона точках: в чертөлупочном зале инженерно-строительного института и в цехе турбоэнергетического завода имени Кирова. Ни к институту, ни к заводу стадион юных пионеров непосредственного отношения не имеет. Но разве забота о здоровье, досуге и развитии детей — не равное, кровное дело всех комсомольцев — и тех, кто учится в институте, и тех, кто делает турбины?»

Студент 5-го курса Харьковского инженерно-строительного института комсомолец Юрий Демора той своей дипломной работой «Игра проект стадиона юных пионеров в Харькове» комсомольцы турбозавода обратились ко всем комсомольцам, ко всей молодежи города с призывом помочь осуществить проект Юрия Деморы и к 30-й годовщине комсомола продемонстрировать харьковским пионерам хороший подарок — новый стадион. Со своей стороны молодые турбостроители обещали изготовить из отходов в свободное от работы время 200 метров металлических конструкций для изготовления стадиона.

Хорошие примеры в нашей стране заразительны. От предприятия к предприятию, от института к институту полетел призыв турбозаводцев. Уборные решетки для ограды стали делать комсомолы и заводского транспортного машиностроения, и завода «Свет шахтера», и тракторного.

Комитет комсомола техникума зеленого строительства провел три воскресенья по подрезке деревьев и кустарника — для пересадки их на территории стадиона. В ближайшее же воскресенье сотни студентов и студентов медицинского института, ветеринарного института города и других вузов отправились рыть котлован для фундамента забора, расчищать площадки.

Серьезные затруднения представляла финишная часть. Комсомолы и тут вышли из положения. Горком велел в парке латинское гражданское гуаше, весь сбор с которого пошел на строительство стадиона.

Харьковская молодежь вновь обрела возможность проводить спортивные соревнования на своем стадионе. Но работы там еще идут полным ходом.

Помощью проекта Юрия Деморы будет претворена в жизнь к 30-й годовщине ВЛКСМ. Новый стадион будет вполне хорошим, чем был до войны.

ПЕРВАЯ ПРАКТИКА

Воспитанников Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева можно встретить в любом уголке нашей страны. Более 11 тысяч специалистов сельского хозяйства подготовила академия за годы советской власти. Среди них есть теперь немало людей, прославившихся своими делами на весь мир. И все они — учёные, руководители крупнейших совхозов, агрономы — с особенной теплотой вспоминают свою первую производственную практику, первые робкие шаги в самостоятельной работе.

Первая практика! Ещё вчера эти студенты-первокурсники сидели в аудиториях, в читальных залах библиотек, пополняя свои теоретические знания.

И вот настал день, когда студент 1-го курса впервые выходит в поле, на опытный участок.

Первая студенческая практика слушателей академии посвящается ознакомлению будущих агрономов с основами советского земледелия. На многочисленных опытных участках академии, занимающих более 400 гектаров, студенты знакомятся с многочисленными отраслями сельского хозяйства, с отдельными научными проблемами, разработкой которых заняты те или другие учёные. Студенты пока ничего не делают сами. Они только слушают и наблюдают.

...Более пятнадцати лет заведует пасекой Г. Б. Акимович. Он прекрасно знает особенности рояня пчёл в условиях Подмосковья, он разработал для этого свою систему улья. Студенты полевоводческого факультета Дина Колесникова, Павел Григоров, Юрий Базилевич и Галина Нездурченко внимательно, с интересом слушали его лекции об особенностях организации пчеловодства в лесостепной полосе. Студенты задавали множество вопросов. Их особенно удивляло сложившееся пчёл.

— Они меня знают, — говорил шутил Акимович.

А в то же самое время первокурсники зоотехнического факультета, собравшись у опытного участка маляны, слушали доклад научного руководителя К. Иающенко о принципах выведения новых сортов маляны, о поставленных здесь опытах.

Казалось бы, зачем зоотехникам знать всё это? Преподаватель кафедры свиноводства М. А. Попов в своей занимательной лекции ответил на этот вопрос. Объясняя первокурсникам принцип пересадки драни на свободный арбуз, он раскрыл студентам громадное значение искусственной прививки.

Студенты 1-го курса плодовоощного факультета посетили несколько дней ознакомление с различными видами декоративных и фруктовых деревьев. Мы зашли их в Ботанический сад, где они слушали лекцию доцента В. Н. Анзина о выведении новых сортов аймонов, предпринятом советскими учёными.

После широкого ознакомления с основами земледелия первокурсники, наконец, переходят к практической работе. Разбившись на группы по 8—12 человек, они уходят далеко в поле. Им предстоит работа с геодезическими приборами, знание которых необходимо каждому агроному. Павел Дунаев и Ида Рогужева работают с нивелиром.

— Рейка номер один. Отсчёт двенадцать сорок пять, — говорит Павел.

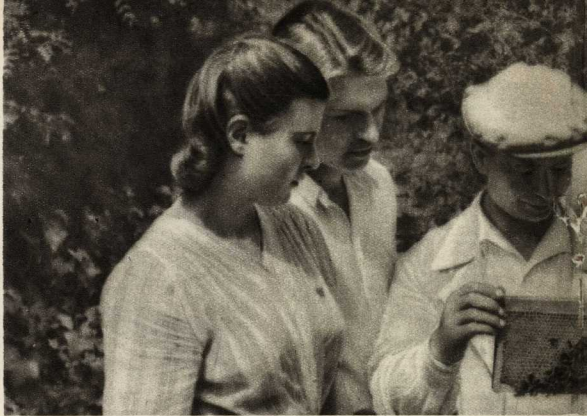
Ида записывает отсчёт.

Далеко от них по тропе идут со стальной лентой, отсчитывая стометровку, Альберт Чабров и Наташа Терещенко.

— Колашеч номер двенадцать! — кричит Альберт.

Студенты берут ленту и идут дальше. Им предстоит разбить участок по контуру. Первая самостоятельная работа...

Конст. ВОЕВОДИН

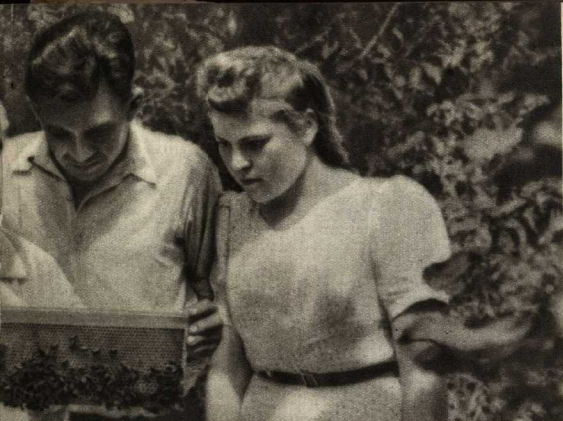

Фото Г. Борисова

Последний бой Тимура

Когда в полк вместе с новым пополнением прибыл лейтенант Фрунзе, комиссар представлял его командиру полка, многозначительно произнёс: — сын Фрунзе!

Подполковник покаял руку и шипело по спине.

— Ну что ж, хорошо, — вдруг проговорил он. — Московец — отец Москвича.

Тимур внимательно взглянул в тёмные разбитые линзы бинокля и, поймав лукавый огонёк в его глазах, спросил:

— А чем отличился ваш сын?

— Разбил носом всем мальчишкам на улице в честь своего отца.

При этих словах Тимур расхохотался и попытался покрепче пожать громадную жесткую руку бывшего табейника. По виду старый лётчик-истребитель годился ему в отца. Незамолдо подумалось: «Жизнь не послала ли меня к нему в качестве сынка, которого надо беречь и опекать?»

Появ шутку, Тимур предупредил:

— Прощу вас не делать мне никаких поблажек. Я хочу стать настоящим истребителем.

— Ну что ж, — сказал Московец, — поможем вам в этом.

Старый воздушный волк не сразу позволил Фрунзе «подарить», вначале он помучил его надеждолинии для каждого залётного новичка полетом над аэродромом. Это патрулирование собственного аэродрома, когда нужно кружиться, словно на привязи, над одной точкой, было скучным занятием. Обычно молодые лётчики не любят его, возмущаются и требуют «войны, а не прогулки».

Но лейтенант Фрунзе безропотно нёс эту вахту и ни разу не зарпоровался, когда его снова и снова назначали «воздушным дневальным».

Ведущими у него были опытные лётчики. Тимур летал ведомым. Несколько раз с ним слетал за ведущим сам Московец и убеждал, что молодой Фрунзе не сидит, уткнувшись в прибор, а уже научился видеть небо и землю. Голова его под стеклянным колпаком не горит неподвижно, а всё время вращается. Он цепко держится за ведущим, не отрываясь при всех его неожиданных рывках и поворотах.

Московец доверял Фрунзе быть ведомым у командира эскадрильи Штутова, опытного бойца, уже сбившего шесть самолётов.

Это был скромный, задумчивый молодой человек, который умел командовать, але помывши голоса. Лётчики слушались его беспрекословно.

По-комсомольски он любил свой боевой коллектив и жил успехами эскадрильи. Он даже называл своих лётчиков по комсомольской привычке «еюя ребятами». У него был принцип — поплять и возыграть всех до уровня перах. «Ни одного лётчика без сбитою вражеского самолёта!» — таков его девиз.

И бывало так, что он просыпаясь над «земными немцем», представлял его в доброту ведомому комсомольцу. И уж только если молодой лётчик «мазале», тогда возвращался и показывал, как надо быть.

Вот как он представлял Тимурю возможность попоробовать свои силы на корректировании на этом небесном вырве. Пока Тимур атаковал «емкеля», Штутов отчаянно дрался с двумя «мессерингитами», прикрывавшими корректировщика.

«Его сила таглас в верности глаза, умешего, ле сморнуца, посмотреть в лицо смерти, в крепости рук и бесстрашия сердца».

Однажды какой-то финист пошёл на него в лобовую атаку. Штуво не дрогнул. Машину со страшной скоростью летели навстречу друг другу, готовясь столкнуться антами и моторами. В последние секунды финист дрогнул, отвернул. Штуво распорол его самолёт отёми своих пушек и пулеметов и крикнул: «Алоооооо!»

На него ты, лод, дурак! На иванского комсомольца! Ми, шубянее, у Чапал опорой были!».

Тимур Фрунзе со своей старшей сестрой Тамей в детстве.

Когда Московец их знакомил, он сказал Фрунзе:

— Вот земляк вашего отца. Несколько лет назад, из всех городов российских Михаил Васильевич больше всего любил Шутово.

— Я никогда там не был, — ответил Фрунзе.

— Ну что ж, покажем после войны. Знаете, как вас рабочие примут! — пригласил Штутов.

Когда наступили горячие дни воздушных боев над «демьянскими котлами», Тимур принял участие во многих славных битвах своего полка.

Тимур Фрунзе. Осень 1941 года.

Стараясь спасти свою окружённую армию, немцы подтянули в этот район значительные силы бомбардировщиков. Являлся даже эскадрон Рихтгофена и истребительная группа Удет. Немцы старались разбомбить наши войска на марше по узким зимним дорогам, сорвать их

натиск на поле боя и, измотав бомбжиками, перейти в наступление на Москву.

Наша авиация беспощадно отражала эти налёты.

В тот день шёл бой за Парфино, где наши войска штурмовали последний мост, соединявший окружённых немцев с тылом.

Полк Московца, разогнав группу немецких бомбардировщиков и оставив за собой след из нескольких чадящих эскадрон, на которых догнать «битые комары», ушёл на аэродром.

Тимур в паре с Штутовым прогналвался по чистому небу, наблюдая бой на земле.

На сцену была всяко видны цепи наступающих на мост наших бойцов. Оранжевые змеишки выстрелов укаймали, где расползались пушки, как движутся танки.

По загромождённым, адымленным брусерам вновь удавались линии немецких окопов. Тимур знал, что здесь слышнейший спорный пункт и от взятия его зависит успех операции. Он с волнением смотрел вниз и замечал, что наши идут хором.

Как трудолюбивые муравьи, ползут вперёд пехотинцы, и такти всё ближе подносят огневки выстрелов к вражеским укреплениям.

И адым тут, на земле, случаются что-то непредвиденное. Какая-то суэта, замешка, затем остановка. С воздуха Тимур распознал то, что издавна было его отцом в боях под Уфрой, при переправе чапанских войск через реку Белую.

«Подвергнувшись внезапной атаке неприятельской пехоты и нападению самолётов, красные бойца заколебались, стали отходить к реке. Наступил критический момент боя».

И вот тогда командир Фрунзе, вырвава у ординария вытголку, крикнул:

«Назад ни шагу! Иваныч, за мной!»

И бросился сам в рукопашную.

Он унитожил двух врагов, в качестве трофея взял две винтовки и на все уговоры не риковать собой и уйти отвечал:

— Сейчас так лужко, и буду здесь!»

«Лётчик Фрунзе указал, что на нашу пехоту пикируют подкрывавшие на брешюм полёте «мессерингиты». Их многочисленные тени чётко проецировались на сцену».

Штутов летел вперёд, не замечая али не решаясь приывать на смертный бой своего ведомого.

И тогда Тимур, как предписывает устав, вырвався вперёд, указал ведущему цель и первый перелёз самолёт в пику.

И они с одним стрелом помчались вниз, на стаю фашистских истребителей.

Штуво несколько обогнал Фрунзе и, как бое-лее опытный, сумел выбрать цель, чтобы атака сразу дала результат. Огонь! И «мессерингиты» разлетелись под ударами орудий, как бибочка от удара кулака.

— Внимание, русские истребители! — крикнул кто-то из немцев по радио.

Три этих слова, забыв о земных делах, все немцы расслышали, потом бросились набирать высоту...

Тимур и Штутов, как бы разогнавшись с крутой горы на салазках, сумели набрать дополнительную скорость и выскочили из пики разбитой немцев.

Они поймали каких-то зазевавшихся фрицев при тяжком и медленном наборе высоты и снажи их красиво, как охотники бить подброшенные тарелочки.

И когда два «мессерингита» зашпороили вниз, размазывая по небу чёрные клёксы дыма, это подбегивало на остальных, как зловещие предупреждения.

«Но кто!» — просторился! — стал командовать по радио ведущий группы, повидявшему командир полка.

Он принаёлся внимание Штутова, который тёрдо посылал правило Московца: «битый воюака — познания победы».

Штуво пошёл азарт и, форсуруя мотор, кричал всю всех сил:

— Врещь, отервищш, собака!

При всех других способах агани немцы мог бы убедиться, его могли бы проверить подчинённые, но при любовной догадке некуда. Тут человек решает сам: умереть или победить.

Фашист попытался спастись.
Он было выскочил от Фрунзе, который шёл вперёд, но Штутов, не уловив его в припад, чуть довернул и винтом самолёта срезал начисто хвост «мессершмитта».

Фашист выбросился с парашютом, но зацепился за самолёт. Купол раскрылся и тянул его вверх, а самолёт не летал.

И все немцы, сколько их было, наблюдали страшную гибель своего вожака.

И Тимур её видел. Он смотрел, не в силах оторваться, и вдруг услышал неторопливый голос Штутова, проползавший в наушниках:

— Тимур, присойди!
— Его командир и друг просил помощи впервые за всю совместную военную жизнь.

Тимур оглянулся и увидел одинокий самолёт, скользящий ввысь с пыльной, прозрачной горы бесконечного неба. Винт его не вращался, а висел неподвижно, как палка. Любой фашистский молоток мог побить его.

Штутова явля спасала растерянность, парившая среди немцев. Но вот некоторые опомнились. Вот уже какой-то шустрый заметил добычу. И ринулся к ней. За ним второй, третий немец пошёл в рядж, устремившись в погоню.

Теперь только секунды да Тимур решал жить и смерть Штутова.

А земля жила своей жизнью. Как только парочка наших «истребков» сплутнула немецкую чёрную стаю, пехотинцы вскочили на ноги, сильней закричали «ура» и пошли догонять танки.

Только самолёт, с бешеной скоростью скользящий в снег и покатиющийся по ровному месту, вздымая метель, как снегоноститель, прорвёт их внимание.

Когда машина наконец остановилась, наиболее любопытные бросились к ней и увидели, как из кабины карабкался лётчик.

Самолёт был с красными звёздами. А лётчик, вылезший из лопнувшей кабины, был с окровавленным лицом.

Он запрокинул голову к небу и, сорвав с себя шлем, кричал:

— Смотрите! Там же Тимур! Оди против всех!

Вдруг о мёртвую землю гукло ударились какой-то «мессершмитта».

— Вот этот меня хотел сбить! — крикнул Штутов.

По небу чертил кривую дымную полосу другой «мессершмитта».

— А это, который его хотел сбить! — любил Штутов и вдруг кричал: — Тимур, держись! Сейчас придут наши! Тимур, наберай высоту!

Тимур не мог услышать своего командира. В толчее множества «мессершмиттов» трудно заметить, где его «истребок». Лишь иногда он давал о себе знать вспышкой огня. Вся стая вражеских самолётов поднималась вверх спиралью, и Штутов понял, что Тимур, как орлёнок, не боявшийся азглануть на солнце, уходит всё выше и выше, впад загнутой его осветительных лучей. В небе ни облачка. Только там, где фашисты пытаются отделиться, и разлетается в шепот, потеряв поражение от парочки дружных героев.

И, наблюдая его маневр, Штутов успокоился, съездив большой ком снега и погрузив в него ракетные три удара о щиток, окровавленное лицо. Снег вилтал кровь, как вата. Штутов отбросил его и улыбаясь бойцам, сказал:

— Ну, запомните этот день: вы видели победный бой Тимура Фрунзе!

Вернувшись в полк, Штутов долго ждал возвращения своего спасителя и друга.

Не верилось, что он мог погибнуть. Что там случилось, высоко под солнцем, никто не знает. Как Громов, парализов одноклассиком извещает, что Тимур найден на земле мёртвым. С повестками провозглашения военного воина и безбоязненно парке старинного городка Крестьян его боевые друзья и товарищи. Много раз костюмы вражеских самолётов они спарывали по всему струговой трассе. За последние победный бой вадной против фашистской «мессершмиттов» Тимуров было извещено звание Героя Советского Союза.

Так обессертил своё имя доблестный сын доблестного отца.

Борис РЯБИКИН

Логарифм единицы

ИЗ РАССКАЗОВ, ПОСТУПИВШИХ НА КОНКУРС

С седьмого класса урков математиком и

дас стал весьма опытный преподаватель, Тимофей Иванович. Это был сухонкий рыжеватый старичок. Он всегда хитро улыбался, будто готовился сообщить нам что-то совсем уж необычное. Объясняя новую теорему, он довольно потирая руки, персыпая доказательства смешными словечками и выражениями. Его искусная рука красиво вырисовывала знак радикала: толстую вертикаль и отсыкающую у неё нижнюю часть — наклонную.

Тимофей Иванович был такой добродушный, простой. Зимой он ходил в огромных авелках, отчего казался ещё меньше ростом. Нам он сразу понравился. Особенно мы любили, когда в начале урока он что-нибудь рассказывал о Пифагоре, о Софье Ковалевокой. А то, лукаво подмигивая, зыблёт и оспаривает тут же им доказанную теорему. Мы и глаза вытаращали; а он умиаёт и смеётся: «Это по Лобачевскому».

— А нам-то как же учить? — недоумевали мы.

— Понить надо, аськовые мои, а потом учить. Ну как, по-вашему: может быть в грубоглязие два прямых угла?

Класс дружно гудел: «Нет», — а Тимофей Иванович, загадочно улыбаясь, говорил: «Ну, так и учите. А пожить — уви-

дим. Будет времечко, поговорим подроб-

нее». Когда кто-нибудь из нас плохо знал задание и путался в простых аксиомах, учитель заметно оторвался, и одно его принимание какой-то скробный вид и он говорил с укоризной вполголоса: «Что же это ты, логарифм единицы?» Сканда получался».

Логарифмов, говоря по-школьному, мы ещё не проходили, даже не знали, что это такое, но словечко было звучное, и нам оно понравилось. Колька Выхсоков, наш школьный поэт, даже хотел псевдоним себе избрать «Логарифм единицы», но мы его отговорили. Он подумал и стал подписываться «Ник. Логарифмов».

Незаместо подошёл и десятый класс.

Мы решили задачи со многими неизвещёнными, уже составили бивидратные уравнения, а тут вдруг предстало ещё что-то таинственное, неизнакомое. И все с нетерпением ожидали, когда Тимофей Иванович начнёт объяснять эту неизвестную и какую-то мнущую тему: «Логарифмы».

Наконец этой донь настала.

Процена звонка, и мы сразу уехали на места. Прошло несколько минут, а наш аккуратный учитель всё не приходил. Это было необычно. Мы не знали, что и подумать. Что с Тимофеем Ивановичем? Может,

он заболел? Мы заволновались, и дозурные хотели уже идти в учительскую, как в класс вошла Надежда Ивановна, учительница из десятого «Б», высокая молодая женщина. Мы приветствовали её, она улыбнулась и сказала, что Тимофей Иванович сегодня не будет, важные обстоятельства задержали его.

— А теперь, — продолжала Надежда Ивановна, даже не дав нам опомниться, — начнём урок. Я расскажу вам о логарифмах. «Логарифмы» — слово греческое и в переводе означает...

Мы смотрели на учительницу, на доску, слушали, что-то записывали, но понимали плохо. Нет, она объяснила нам ясно и последовательно, делаято пометки на мультиметре. Просто наши мысли были в это время заняты думами о старом нашем учителе Тимофее Ивановиче: «Что это ещё за такие «важные обстоятельства»?»

Урок кончился, учительница задала на дом три параграфа из Кисеева и вышла из класса.

— Понял! — вдруг громко крикнул кто-то с задней парты.

Мы обернулись. Юрий Луцкий, один из наших нетеропливых и поленившихся учеников, торжественно встал на парту. Вид у него был, словно у Ньютона, когда того ударило по голове упавшим с дерева яблоком.

— Понял! — на этот раз тише и значительнее повторил он; мы стоили молча и покорно ждали услышии гения.

Великий логарифм единичи есть ноль, значити это «онолоти!» — и он торжественно сошёл с пьедестала.

Сначала мы дружно захохотали. Потом, вспоминая, что объяснял нам учительница, убедились в его правоте. Да, действительно, они равны нулю. И тогда мы нам пришло в голову, что Тимофей Иванович называл «логарифмами единичи» летящие, дождер... Вот оно в чём дело! Раз человек лустой, но хочет учиться, он достигнет нуля, но не сразу... Снова раздался звонок, и мы, терпеливо собирая книги, направились в физический кабинет.

На следующий день первым был урок алгебры, и снова только завязка, звонок, как, быстро открыл дверь, в класс вошла Тимофей Иванович. Его нельзя было узнать. Он был в новом синем костюме со строгими чёрными галстуком. Вместо валенок на нём были «коммюнистические туфли» с пушышками. Свежий, улыбающийся, он словно помолодел на добрый десяток лет. У всех отлегло от сердца... И словно читая в наших глазах молчаливый вопрос, учитель сказал:

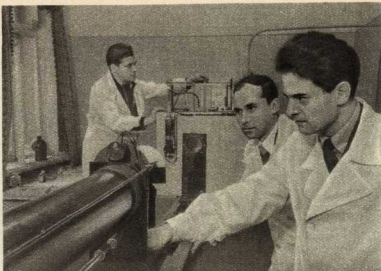
— Дорогие друзья мои! Сообщу вам маленькую новость. У меня сегодня праздник, и я хочу разделить с вами свою радость. За успешную защиту диссертации мне присвоено звание кандидата математических наук...

Только секунда была пауза. Мы сорвались с мест и стали обнимать нашего старика, горячо поздравляя его, жали руки. Он стоял смущенный, растерянный и только просил нас быть «чуткими потише», так как в соседнем классе шла урок. Когда шум сравнительно утих и все расселось по своим местам, Тимофей Иванович дожда из кармана папачки с голубой каймой, слегка провёл им по газлам и стал говорить:

— В мои годы многие из вас, может, будут уже профессорами и академиками. Мне пришлось труднее, ну, это дело массинское, да и что вспоминать о бываю... У вас же, друзья мои, всё впереди. Любите науку, учитесь всегда и везде. Ведь так много увлекательного, неизведанного, полезного для человечества... Учитесь, творите, держите и никогда не будьте «логарифмами единичи».

— Не будьте ноалями! — убежденно промовлял Юрка.

Тимофей Иванович провёл несколько раз трипчик по чистой доске, взяла мел и, улыбаясь хорошо знакомой нам хитрово улыбайкой, стал объяснять приёмы пользования таблицами логарифмов Пржевальского.

БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ

Большую сделали операцию, но он умирает от потери крови. Лицо бледнеет, сердце бьётся всё слабее и слабее. Спасти его можно лишь, воспользова потерянну организмом кровью. Тогда на помощь приходит доктор — человек, который отдаёт часть своей крови (250—500 граммов) для аллиания её больному. У донора из вены берут кровь и тут же аналит её пострадавшему. Но это хорошо, когда во-время удалось набить донора. А если нет человека, который смог бы отдать часть своей крови?

Нельзя ли иметь запас крови, пригодной для аллиания человеку? Учёные нашли способ консервировать донорскую кровь и по мере необходимости вливать её, не прибегая непосредственно к донору.

Успехи современного человеческого живей служат лучшим доказательством огромной ценности открытия способа консервирования крови.

Но применение консервированной крови ограничат все-таки сравнительно небольшой срок её хранения — всего 20—25 суток. После этого срока кровь портится и становится непригодной для вливания человеку.

Советские учёные стали искать способы, как сушить кровь, чтобы сушёная кровь обладала наибольшим количеством свойств, присущих обыкновенной, жидкой крови.

Сушить кровь в таком виде, как она есть, не представлялось возможным, так как красные кровяные шарики — эритроциты при сушке немедленно погибали. Поэтому вопрос стал сводиться к сушке не всей крови, а лишь жидкой её составляющей, так называемой плазмы.

11 лет назад появились первые лаборатории по разработке способов сушки плазмы. К 1940 году советские учёные достигли значительных результатов. Сухая плазма была получена и после соответствующих опытов успешно применена для переливания больным. Срок хранения сухой плазмы исчисляется в 12—15 месяцев!

Трудно переоценить это огромное значение, которое получила сухая плазма при лечении раненых во время Великой Отечественной войны. За период Отечественной войны у нас в Советском Союзе на суую плазму было переработано много донорской крови.

Незаменимой была «сухая кровь» в партизанских отрядах, на боях кораблей при длительных походах, во время танковых и конных рейдов по тылам врага.

Центром научно-исследовательской работы по получению и применению сухой плазмы является Центральный институт гематологии и переливания крови Академии медицинских наук СССР в Москве.

Группа учёных — член-корреспондент Академии медицинских наук СССР профессор Вагзарсаров А. А., доктор медицинских наук профессор Дульмин М. С., профессор Балаховский С. Д., кандидат биологических наук Розенберг Г. Я. — была удостоена Сталинской премии за разработку метода получения высококачественной сухой плазмы.

Так ещё одно из замечательных средств борьбы за жизнь человека прочно вошло в быт советских людей.

Г. СИБИРЦЕВ

На снимках: сверху — на переднем плане лауреат Сталинской премии Г. Я. Розенберг (справа) и инженер-конструктор В. П. Воронов у электрического аппарата для анализа белков плазмы. Внизу, слева — научные сотрудники лаборатории М. Орлова и Н. Промидова за осмотром готовой продукции; внизу, справа — инженер-конструктор Н. И. Баландин у пульта управления электрофотетрическим аппаратом.

Фото В. Токарева

Фото В. Горшкова

Солстка балета Государственного академического Большого театра Союза ССР
Ранса Стручкова.

В Мигралли. Горный пейзаж.

Город Курильск (остров Итуруп).

Фото В. Байдалова

На Южных Курилах

С. ГЕРАСИМОВ

Курильская островная гряда, Остров Уруп. Пароход идет вдоль берега. Динке, угрюмые скалы, покрытые местами низкорослым кустарником и травой. Вершины гор кутаются в серые курчавые облака.

Пароход бросил якорь в бухте Мисима, в трёх милях от берега. Спустили моторный катер, и через полчаса пассажиры вступили на землю. Их приветливо встретили почти обожавшиеся на остров русские переселенцы. Они охотно показали, как устроены в деревянных домиках маленького прибрежного посёлка.

Три японских владычества остров не был заселён. Лишь на короткое время сезонной охоты приезжали сюда зверобой. Сейчас советские люди успешно обживают северную часть острова.

На Урупе густые, трудно проходимые заросли курильского бамбука. В долинах высота его достигает трёх метров. Стебли быстро растущего бамбука эластичны, прочны, упруги.

Даже тяжёлый грузовой трактор лишь немного проминает бамбук, оставляя после себя мязгу, пружинистую дорожку. Но эта дорожка постепенно восстанавливается через несколько дней, особенно после дождей. Остаётся единственный надёжный способ — прорубать дорожки через курильский бамбук.

У японцев рыболовство на Урупе не было, хотя в южных водах встречается хета, горбуша, а в северных — хищная, прожорливая треска. Во время отлова рыбы на поляхметра обжигаются небольшие островки, где удочками успешно ловят крупного морского окуря. В язовых реках ловят куджу, во многих покою на фараль.

На Урупе хорошие возможности для развития морской охоты. В окружающих водах много нерпа,

часто встречаются кашалоты. Вадли для промысловиков в этом районе аэробойных ботов может служить бухта Мисима.

На прибрежных скалистых островках, расположенных от Урупа на расстоянии в несколько сот метров, омытые ветрами птичьи базары. На уступах скал сидят десятки тысяч птиц. На юге Урупа есть маленький островок. Интересно наблюдать, как ветуточные стаи топорков шумно поднимаются в воздух и крылатой тучей закрывают самый островок и низко плывущие над морем серые тучи. Топорки и баклань летит между собой серой вилинью. Где топорки, там нет бакланов. И наоборот.

Следующий остров, который мы посетили, — Сикотан. Первое впечатление: утромый остров. Голые скалы, обрывы, у берега в штиль вихрь волны достигает двух метров. При сильном ветре огромные волны со страшным грохотом ударяют о берег, воротят прибрежные камни, перекатывают гальку.

В отнесенных скалах живо ущелье — горловина до 80—100 метров шириной. Здесь часть скал то обжигается, то покрывается приливной волной. Это происходит в хорошо защищённый залив, являющийся затопленной котловиной до полутора километров в диаметре. В этот залив заходит и останавливается от непогоды мелкие суда с острова Кунашир. Сюда причал, рыбацкие суда; на берегу постройки китовозода с фабричной железной трубой, укрепленной на реке. Суды пригоняют на буксире тучи убитых китов и через специально устроенный настил автаскают на берег для разделки и переработки.

Вокруг залива в один ряд лентой вытянулись набушки, да висит кое-где над реками горбатые мосты. У домиков много язовых позвонков, их используют в качестве саборотов. Жители посёлка занимаются ловлей рыбы и крабов, разделкой китов, огорождении-ством.

Кивит на острове мягкий. В начале июня тучки покрываются зеленью. Склоны гор покрывают луга с густой, пышной травой, выше кустарника, затем иду лиственные породы деревьев и, наконец, пихта и ель.

Остров Кунашир своей южной растительностью напоминает Колхиду. Он горист, с активной вулканической деятельностью и горячими источниками.

От стоящего на рейде парохода отходит катер. Он пересекает спокойные воды неслучайного залива в южной части острова. На песчаном возвышенном пляже видны ледозавод со штабелями леса, ряд домиков посёлка, длинное и узкое здание гостиницы.

Стеклопаны верандой с раздвигаются окнами окружен в гостинице с трёх сторон цементный бассейн для ванн. В него поступает прозрачная и очень горячая, в облаках пара, вода и переливаясь через край, стекает ручьём к морю.

От курорта до озера 3—4 километра. Преследовая яркую подлём, мы идём по тропе. Но это не обычная дорога, а ложе пересохшего ручья, по которому в дожди бегут стремительные потоки воды.

Вот и гробов калдьеры — полуразрушенной вулканической чаши, местами заросшей лесом. Диаметр её — до пяти километров. В калдьеру сворачивает озеро с замечательной игрой синих и голубых оттенков на поверхности.

Приблизившись к озеру, мы слышите шум, похожий на пылающий паровоз. Это парит шель гор. Если в шель вернуть палку, то струя пара сбросит её как щепку. Пар выбрасывается и со многих участков дна озера. Кажется, что это бурлит кипящая вода.

Другой курорт — Сэзюки — расположен в бухте на тихоокеанском побережье. У города удивительный пирс с причалами. Сюда привозит соль для рыбных заводов, отсюда уходят грузевые рыбной пароходы.

В шести—семи километрах от Сэзюки высится вулкан. От него идёт овраг с остатками серных разработок. В верховьях оврага шель и трещины с выходом горячего пара и газа. Вокруг отверстий отлагается жёлтая кристаллическая сера. Лишь кое-где в овраге пробиваются багрянцы, курильский бамбук и гигантское трещинное растение с большими листьями.

Длина острова Кунашир — 120 километров, ширина — 28 километров. На восточной стороне острова расположена хорошая бухта с посёлком. В этом посёлке, окружённом сопками с пыльными лесами, живут рыбаки, лесорубы, рабочие крабовозаводского завода. Советские рыбаки успешно ловят в морских просторах гребкообразных крабов.

На острове Кунашир работают лесные и рыбные заводы. Зависят

На причале рыбозавода (остров Итуруп).

прекрасного леса — листовницы, лихты, ели — используются для жилищно-бытового строительства и изготовления рыбной тары. Хорошие пастбища и лесные чащи заросли курильского бамбука являются базой для развития животноводства. Здесь организовано племенное колхозное хозяйство.

Русские путешественники, моряки и промышленники первые открыли, исследовали и описали Курильскую островную гряду. По следам своих предков пойдут тысячи советских юношей и девушек, чтобы посвятить свою жизнь, оплот и знания социалистическому труду на освоении природных богатств Курилы, несомненно части нашей великой Родины.

Второй шахматист мира

Самый молодой в мире шахматный просейстер, студент Московского института иностранных языков, Василий Смыслов родился в 1921 году в Москве. Отец его, экономист Автозавода имени Сталина, сам был чемпионом по шахмат. Он любил шахмат, рано научил играть своего сына. Он правильно сделал, что внимательно контролировал шахматную учебу будущего просейстера и наблюдал за его шахматными выступлениями.

Его увлечение шахматами никогда не скрывалось на школьных занятиях. Смыслов умел отличить, на каком чистил и, кроме шахмат, очень любил музыку. В конце 1936 года Вася вступил в комсомол.

Прошло немного времени, и уже в 1936 году среди московских школьников, любителей шахматного искусства, все чаще можно было слышать разговоры о чемпионе 1945-го года Васе Смылове. Он постоянно занимал первые места в турнирах этой школы и изучал теорию шахмат в Московском доме пионеров под руководством педагогика Федора Фолеванова.

Первым серьезным испытанием для молодого шахматиста явились конкурсы своих шести московских мастеров, проводившиеся в конце 1936 года шахматным клубом стадиона Юных пионеров. В шести встречах с мастерами Смыслов добился рекордных результатов — 5 очков. Им выиграл у Капа, Рюмина, Алаторцева, Юдочина, сделал ничью с Павловым и Безлюдовым.

Тогда Смыслов уже находил в трудных позициях тактические возможности ослабить борьбу и в нужный момент самому наносить сильные и точно направленные удары.

«В каждом дебюте, чуть ли не в каждом варианте его, можно избежать шаблонных, книжных вариантов, достигая при этом, разумеется, не худших, если не лучших результатов», — писал много лет назад замечательный русский шахматист Михаил Иванович Чigorин. Эту мысль в полной мере оценил Василий Смыслов.

Самостоятельным, самостоятельным путем шел он в своем шахматном развитии, проверяя и критикуя уже установившиеся мнения, выходя вперед и упорно отстояв свою точку зрения в трудной борьбе за шахматную доску. Иногда Смыслов ошибался, терпел поражения, но он умел превращать поражения в свои победы, он находил их скрытые причины и в дальнейшем строил свою игру, совершенствуя и уточняя задуменные планы.

В ноябре 1937 года Смыслову предлагается первая категория. Проходит несколько месяцев, и в южном чемпионате страны он уверенно занимает первое место. В 1938 году в городе Горьком проводится Всероссийский турнир шахматистов первой категории. Смыслов побеждает в своей группе и получает звание кандидата

в мастера. В октябре 1938 года Смыслов участвует в турнире за звание чемпиона столицы.

Москвичи уже знали этого молодого шахматиста, верили в его силы, но все же результат Смыслова превзошел все ожидания. Провел все турнир в прекрестном стиле, он разделил первое и второе места с мастером Безлюдовым. За этот успех 17-летнему Смыслову было присвоено звание мастера СССР.

Спустя два года Смыслов — участник Всесоюзного шахматного чемпионата. Это соревнование сильных Смыслов проводит уверенно, набрав восемнадцать очков из девятнадцати. Он занимает третье место. Третьим был Смыслов и в матч-турнире на звание абсолютного чемпиона СССР.

Спустя два года Смыслов — участник Всесоюзного шахматного чемпионата. Это соревнование сильных Смыслов проводит уверенно, набрав восемнадцать очков из девятнадцати. Он занимает третье место. Третьим был Смыслов и в матч-турнире на звание абсолютного чемпиона СССР.

Василий Смыслов.

в 1941 году. Эти два выдающихся результата заслуженно приносят Смыслову звание просейстера.

С наступом высокой ответственности с горчим жалею о том, что победим прославить советское шахматное движение играет Смыслов в международных соревнованиях.

В радиоматче СССР—США он встречается с просейстером Ревешским. «Битва в эфире» заканчивается двумя поражениями чемпиона США. Но Ревешский заявляет: «По радио и игрою хуже, и должен смотреть своему противнику в глаза...»

Пришла пора и в матч-турнире первенства мира Ревешский проиграл Василию Смыслову. Не помогло и то, что он смотрел в вежливые голубые глаза советского шахматиста.

Две победы одержал Смыслов и во втором матче с американцами над чемпионом США Денкером. 3½ очка из 4 два Смыслов своей командой во встречах с шахматистами Бельгии и Франции.

Иркам свидетельством высокого международного класса Смыслова явился третий приз, полученный им на международном турнире в Гроингене в 1946 году. Молодой просейстер стал первым многих прославленных шахматистов, одержав в числе других

победу и над экс-чемпионом мира Эйсе.

Второе марта 1948 года — знаменательная дата в истории шахматных соревнований. В этот день состоялся грандиозный матч-турнир на первенство мира, в котором приняли участие пять лучших шахматистов современности, Советская шахматная школа была представлена Грандиозным, Ботвинником, Васильевым Смысловым и Павлом Кересом.

Еще и тогда многие зарубежные авторитеты недооценивали шансы молодого москвича. «У него нет опыта», — твердили одни; «Смыслов слишком молод», — говорили другие; «Он еще не брал первого приза в международных турнирах», — заявляли американские и английские шахматные журналы.

Эти критики, которыми руководило отнюдь не объективное отношение к советским просейстерам, забыли, что у молодых талантов самое важное — динамика роста; они не хотели видеть, что Смыслов уже давно знает, что и как ему обогатить теорию и практику шахматного искусства действительными идеями.

Жизнь противника умалит предсказания скептиков. Заветное место в матч-турнире, Смыслов предстал перед всем шахматным миром как яркий представитель советской шахматной школы, вышедшей из чехословацкой традиции.

Своеобразная оценка позиции, замечательная интуиция, глубокое и самостоятельное понимание стратегии и тактики шахматной борьбы — вот что характерно особенно для яркого творчества Смыслова, «яшного Вася», как с любовью и уважением называют его москвичи.

Многие любители шахмат за рубежом задают себе вопрос: в чем тайна успеха молодого шахматиста, почему всегда побеждают советские мастера?

Классетики и здесь пытаются «найти» темноту на ясный день. В области шахматного журналистики мастер Вуд расуждал недавно о том, что «все дело, мол, в климате». У русских, видите ли, климат, подходящий для того, чтобы побеждать на международных турнирах.

Вуд пытался одурачить своих читателей. Он хотел, чтобы английские шахматисты не знали о том, что в границах СССР есть те, которые представляют Советскую страну для роста и совершенствования молодежи.

Но правда берет свое. Простые люди во всем мире знают, что в СССР делается все для развития науки, искусства, спорта, в том числе и в области шахмат, этом неслучайном участке человеческой культуры.

Миллионы советских людей любят шахматы, ценят эту мудрую и древнюю игру. В тысячах школьных кружках, в шахматных клубах, домах пионеров у нас в каждом доме растут новые таланты.

На недавних выборах в Национальное собрание народ Чехословакия был избран кандидатом на победу новой, народной демократии подготовлен всем предшествующей борьбой чехословацкого народа против фашистских захватчиков и против фашистского гнета в годы мировой войны, о чем убедительно рассказывает молодой чешский писатель Ян Драга. Своим ясным, вежливым, вышедшим в русские и английские журналы, самодостаточным, без лишней выделки, берет своих героев из самой жизни. Изображает он не идеальных людей и реалии. Герои Драги активно включаются в жизнь. Соревнуются, но мужественно они стремятся не оставлять работу.

Художественный стержень динамичного склада Фантинек Мале, воспитанный с детства в духе работничества, перед голодом, пытается помочь партизанам, не может. И когда в результате нежданного провала Малек попадает в лапы гестапо, он гордо и смело бросает на плач: «Кто враг, враг! Враги! Пятнадцать кино своими руками улетят и будут, будут вальсировать на танцах! Кто враг? Кто враг? Кто враг? Все поедат! Кто враг?»

Самый талантливый, бывший боец интернациональной бригады в Испании, для которого звучит «No pasamos» стал лицом его книги, лицом его жизни, приехал с простреленными ногами в Париж, чтобы побориться на новом фронте быть врага.

«В сердце каждого из них, — живых и мертвых, — говорит Драга, — проходила пограничная линия, тула, через живых или мертвых, — все равно фашизм — не пройдет!»

И этот драг становится священным для каждого чехословацкого читателя Чехословакия.

Книга Драга наглядно учит, что врагом является не только тот, кто полагает фашизм, но и тот, кто заблуждается и примиряется с ним. Именно «мятые сердца» (расклет) «Детюбинский» предостерегают свободу действия фашистскими злодеями.

Отголоском героической баррикады погиб в неравной борьбе с мыслью о стране «на другом краю Европы» — единственной в мире, которая несет народам безраздельную свободу, счастье и подлинный мир. Имя этой великой Страны Советов с надеждой и упованием не в сердце своем живет и подлинный мир. Подтверждением этого всенародного предостережения перед величием Страны Советов является рассказ «Независимый», в котором автор с возмущением и проникновенной силой нарисовал образ русского воина Григорья.

Книга Яна Драга рассказывает, как вырос и закалялся моральный дух чехословацкого народа в борьбе с фашизмом. Чехословацкий народ с первых дней разгрома нацизма захватил инициативу, он и подлинный друг. Народ Чехословакия — дружелюбный, открытый, дружескую руку народу Советского Союза. Это поддерживало и укрепляло его. И привело к победе над японцами и американцами в войне за свободу Чехословакия.

А. НАУМОВА

* Ян Драга. Перевод с чешского Государственного издательства иностранной литературы, 1947 год.

Ян Драга

Материальный брак

Правда же, нет на земном шаре другой страны, в которой хищничество процветало бы так, как в Соединенных Штатах? Мы с трудом привыкли к этому, но судя по паразитическим нравственным устоям, мы, утасов бог, на минуту сменяете на шпике с годовалого ребенка купальный костюм, чтобы выскать его, но никак не позволяете помыться в горячей воде. Бурлеска — это, с позволения сказать, театр, в котором в течение всего вечера только и делают, что разводят актриса дождем, чтобы привлечь публику. Это зрелищный бизнес.

На вас судят смотрят, как на прощачего червяка, если вы не будете посещать по воскресеньям церковь. Но мы глупо ошибемся, если подумаем, что американцы ходят в церковь молиться. В американской церкви не тратят время попусту: здесь на ходу заключают сделки, смотрят кино, танцуют, а что касается амальгамы протезирования и всесмишного, на то есть священнослужители, они замолвят все грехи, было бы им уплачено. Это церковный бизнес.

Если у американца, живущего в одном из центральных штатов, вдруг возникает потребность развестись с супругой, он не пойдет к своему местному судье: он знает, что законы этих штатов горой стоят за неизменяемость брачных уз. Но если у него есть охота развестись, он отправится на вокзал, купит билет до Лас Вегаса или Рио и назагорают учиться в обетованной земле жилищный развода: по закону в платит развод, развод — пустяк, и ведь бюджет этих двух городов построен на обслуживании богатых туристов, ищущих возможности без всякого труда развестись с женой. В Лас Вегасе, отелях, юридических консульствах, ресторанах, театрах легкого жанра, ювелирных магазинах, где можно продать старое обручальное кольцо и купить новое с камнями, операторы, помогающие, согласно американской статистике, в США разводятся каждая третья супружеская пара.

Чем больше знакомых с бытом этой страны, тем больше убеждаешься, насколько глубоко отравлена ее жизнь растлевающим ядом аморальной по самой своей природе социальной системы, основанной на единственном стимуле — жадности. И тут несомненно обращается к острым, разному, словно клинок, чеканному словам великого документа, «Манифеста Коммунистической партии», стальной копьею которого нещадно отменяли: «Буржуазия... не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бесцерковной «чужаго». В деловой среде зловеще расползается и подползает она — священный запрет религиозного жеста, рыцарского ритуализма, междичкой сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в мезюу стоимость, совала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров и svelа их к ничто денежным отношениям».

В Лас Вегасе, относящиеся к недавней поездке в Соединенные Штаты, предельно многозначительно вырзались из американских газет, я приблизительно десятком статей, которые показывали, как часто иры и обычаи в мире бесцерковного чистоты и теперь, сплести сто лет, всё те же, разве что

изность и мерзость их выпрыгивают ещё ширинее и откровеннее. Я не буду говорить об узком миреке пресловутой «тысячи американцев»; и без того немало написано и рассказано о том, какие свишские нравы в нём царят. Это было поучительнее оглядаться, какое влияние оказывает «рентгия доллара» на психологию средних классов США.

Нечую в такой детали. У американского «благателя» пользуется огромным успехом специализированный отдел ежедневных газет, посвященный вопросам семьи и брака. Каждая газета имеет своего «оракула», который выдает читателям советы на все случаи жизни. Скажем же вопросом обращаются американки к своим «оракулам» и какие наставления получают от них. Большинство запросов священно отцом тому: как выйти замуж за богатого, «Не будет ли плохо для меня, если я попробую выйти замуж за моего шурина?» — деловито спрашивает читательница «Дейли мирор». «Вы имете шанс, и он ваш, если вы захотите этого», — не менее деловито отвечает консультант Дороти Дикс. «Дорогая мисс Дикс! — вызывает «оракулу» другая корреспондентка — до смерти влюблена в женатого мужчину, и он меня любит... Я всё делало, чтобы заставить его жить развестись с ним. Я фантзму с ним на всё галах. Я выдала его по телефону, одновременно сообщая ей, что у него интрижка с другой женщиной, но она не обращает внимания. Почему некоторые мужчины так циничны и почему они её не прогонят?» «Вы напрасно тратите время, — холодно отвечает «оракулу», — направьте свой огонь по другому адресу».

Корреспондента именующей себя «Либберал» гласит: «Нью-Йорк пост» интересуется специфический вопрос: «Не должно ли уделять первоочередное (!) внимание, чем это делается, при выборе супруга жизни?» И консультант доктор Поппо, не моргнув глазом, отвечает: «Конечно! К несчастью, обычно человек гораздо больше внимания уделяет родственной людской им собор, чем происхождению женщины, на которой он намерен жениться». Тот же консультант даёт совершенно умишительный совет богатой даме, снимающей квартиру: «Каждый из ваших сыновей должен платить (!) за пользование автомобилем». Предоставлять машину следует предпочтительно тому, кто способен на худшее. При таких условиях протестованте отгадывается тому, кто первым поддал завяку. Если вы поставите это на

деловую основу, я думаю, вам не трудно будет превратить ваш автомобиль из предмета раздора в источник удовольствия».

Совсемному читателю подобные наставления могут показаться дикими.

Пациентка на приёме у «доктора метафизики».

достою, бредом, мистификацией. У человека, выросшего в стране, где свято берётся чистота человеческих отношений, где самая мысль о коммерческих сделках в семье вызывает здоровое отвращение, такие «инструкции» не укладываются в голову. Он не предпринимает илею брака по расчёту, он не представляет себе, как можно перевести на язык торговых терминов отношения матеря к детям. Но в мире, где обсебятельные уны и же это нет ладзидна сведен к денежным отношениям, где самая семья рассматривается как фактор наживы, подобные нравы в порядке вещей.

Распад семьи и резкое падение морального уровня американской молодежи являются фактом, которого в США никто не отрицает. Здесь спорят лишь о том, к добру это или к худу.

В октябре 1947 года журнал «Лукс» опубликовал любопытную работу Жака Бойля и Луизы Слоун, авторов «Луксу развода» (есть также альбом в Соединенных Штатах). Эти двое «исследователи» провели общенациональное обследование и опубликовали его результаты под сенсационным заголовком: «Новое всеобщее обследование разведенных мужчин и женщин устанавливает удивитель-

ные изменения в наших понятиях о брачных привычках в последние годы».

«Современные женщины предпочитают браку гораздо меньше значения, чем их буржуазные бабушки» — заявляют эти обследователи. — Развод делается тем-то вроде вписанной статьи брачного контракта. «Итак, они поженились и жили с тех пор счастливо» — эти слова стали концом вводящей сказки, столь же далёкой от реальности, как колдуны и волшебные палочки. Всё увеличивающееся количество современных рассказов из реальной жизни подтверждает это: «Итак, они поженились и следовало по этому пути, пока не развелись». Возрастающий процент разводов, прогрессирующий в арифметике к 2, — это уже не просто статистика, существующая в социальном вакууме, — это явление XX века, которое касается жизни всего нас...»

Обследователи утверждают, что в большинстве случаев инициаторами разводов в США являются женщины. По данным их анкеты, 66 процентов жён, получивших развод, сами это требовали, причём треть изученных браков разбилась о склад нежелания и неспособности мужей нести финансовую ответственность». Обследователи принимают как должное подход к браку, как к материальной финансовой сделке, в результате которой жена поступает на содержание к мужу. Они осуждают лишь «бездушность женщины, которая, выходя замуж, не проверяет, насколько обеспечено «основополагающее право брака», в соответствии с которым муж должен содержать свою жену».

С другой стороны, обследователи вынуждены признать, что огромное количество разводов в США происходит вследствие утраты нравов и распушности как мужей, так и жён. «Треть опрошенных женщин называют неверность своих мужей главной причиной развода, — пишут они. — Почти столько же мужей жалуются на неверность своих жён. Самый странный ответ на анкету, опубликованных в журнале «Лукс», достаточно красноречиво говорит о моральном уровне людей, подвергшихся опросу:

«Я муж слишком много пил и имел других девочек».

— Для меня это был брак по расчёту. Мне всегда очень хотелось уйти из дому.

Я существо с лёгким сердцем.

— Мне хотелось общества других мужчин.

— Моя жена смотрела на брак, как на игру. Ей нравилось менять партнёров».

— У меня были неолодки в делах, и я не смог зарабатывать столько, сколько зарабатывал в первые годы после женитьбы. Мои жён не жалею, но мне не нравятся став, которые я мог ей дать». Оба мы записали и начали действовать друг другу на нервы...»

Материальному растлению американцы подвержены до дна. Главное — стать богатым, главное — сделать хороший бизнес, твердят ему всю жизнь, из года в год. Ради достижения этой цели готовы идти на всё, на что угодно святого, всё можно купить, и всё можно продать: душу, тело, убеждения. Лишь бы заработали! На этой гнилой почве и расцветают отвратительные цветы идеологии немурья философия молодых жрецов доллара: к чорту стыд и

совость, главное — успеть урвать кусок позаранее, пока его не схватит другой!

Мордобой, пьянство, употребление наркотиков, разгар сменяются в определённых кругах американской молодёжи своеобразными признаками молодечества, лихости. Мне не раз приходилось наблюдать на Бродвее, как компании юнцов — парней с небрежно повязанными галстуками и высокими чёлками волосами и дельчонок в брэнжах с парующими челками — проводят свободный вечер. Попытавшись, они слипаются в объёмы из одного бара в другой, погоняя виски с содой стакан за стаканом; смотрит за пазом ценник, приглянув к цели автомата, нерисованные короткометражные фильмы; гончут над порнографическими открытками, свободно провалившись в почтенных книжных магазинах; ныряют в битком набитые дансинги, где пляшут дикие танцы, которых поспешается бы самый отсталый туземец с тихоокеанских островов.

А в «приютах» виски на Бродвее молодёжь предоставляют не только виски и порнография. Здесь же им предоставляется возможность требовать и другие забавы и игры, содержание которых проливает свет на всю систему

этого, с позволения сказать, воспитания американской молодёжи.

В «приютах» веселья целыми шеренгами стоят саркастичные даком и никелем автоматы, дающие тому, кто бросит в щелочку пять центов, познанию аллюзии участия в войне. В этот момент вы сможете увидеть пострелять из пулемёта, выпустить торпеду из подводной лодки, сбить самолёт из зенитного орудия и даже... сбросить атомную бомбу.

Производство и эксплуатация этих чудовищных автоматов, как видится, монополизированы. Эта отрасль «увеселительной» индустрии находится в руках у предпринимателя имени Вильяма Рабиня.

Вильям Рабин не скрывает на затратах, заботясь о том, чтобы создать автоматы, поражающие воображение среднего американца. Автомат «Атомная бомба» — последний крик продвинутой им моды. В разработке конструкции этого автомата принимали участие выдающиеся специалисты. Вот как описывает «Визнесс» Рабиня очеркист «Колберс».

«Закоре после того, как американские ребята выкинули пару атомных яиц на Японию, учёный физик на Колумбийском университете начал спокойно работать у Вильяма Рабиня в Лонг Аленд Сити. Две недели учёный работал

за звукооперационного дельца, дававшего обещание заработать сорок тысяч.

Спустя три месяца результат его секретной деятельности проявился в тысячах прикомандированных, аптек, автомобильных остановок, комматх ожидания железных дорог и даже в лавках Доллин Мертви — в форме аппаратов Раб Гольдберга, вплоть почти же интригующих воображение, как светлая машина. «Атомный бомбардировщик» работает за никель, но тем не менее он принес Рабиню тысячи долларов дохода.

В свой рабин Рабин создал «небесный истребитель». Это точная копия настоящего истребителя. Игрок нацеливает своё зенитное устройство на движущийся вражеский самолёт. Затем тра-та-та — 300 выстрелов в 30 секунд. Каждый раз, когда самолёт бьётся сбив, звонит колокол, и он пещурет, охваченный пламенем. «Небесный истребитель» немедленно завоевал признание тысяч болельщиков. Рабин никогда не забудет вилота, который сказал, что он играл больше годится тем, что набрал 290 очков на «небесном истребителе», чем сбившим им тремя нацистскими бомбардировщиками».

(Окончание следует.)

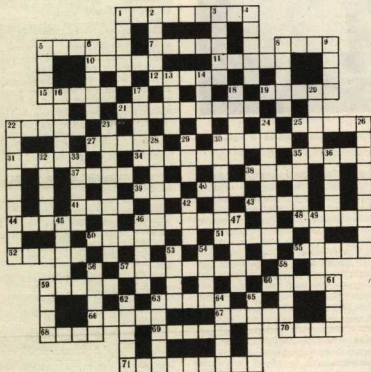
СМЕНА
Знаменитые

- А. Одинцов — О школе и жизни.
Николай Неломный — Тайга родная.
Анастас Абрамов — Азимут.
Сам. Наринян — Шурки.
Г. Мерлинский — Мастера точности.
А. Присс — Молодёжные стройки Харькова.
Первая практика — Фото Г. Борисова. Текст Конст. Воеводина.
Николай Богданов — Последний бой Имгура.
Борис Рабинин — Логарифм единицы.
Г. Сибирцев — Борьба за жизнь.
С. Герасимов — На Южных Курилах.
Мих. Юдович — Второй шахматист мира.
А. Наумова — «Немая баррикада».
Юрий Жуков — Американские нравы.
На первой странице обложки: «Итобинки» — Рисунок Виктора Иванова.
На четвёртой странице обложки: «Песня молодости». Слова Ц. Солодаря, музыка Л. Бакалова.

Оформление номера художника В. Урина.

КРОССВОРД

Составил Б. Библин

По горизонтали:

- Участник войны. 2. Убежище.
- Улица в Москве. 4. Велодром. 19. Принадлежность орудия. 11. Часть дома. 12. Растение. 15. Атеист вранья. 18. Углубл. 21. Тезисы. 22. Пособие для воды. 23. Обязательная плата. 27. Орган власти. 28. Дорога. 31. Оружие лова. 34. Склад орудия. 35. Головной убор. 37. Отдел физики. 38. Стоимость. 39. Число. 40. Часть

- бильярд. 41. Шаговая ткань. 42. Золотой дом. 44. Сестра. 46. Соор. 48. Правд волос. 52. Ловля. 51. Небольший магазин. 52. Ловля. 53. Литургическое произведение. 57. Военной корабль. 59. Часть металлического крепления. 60. Новая сторона адела. 62. Орган власти. 63. Лодка. 67. Развалины. 68. Воинская награда. 69. Искусство. 69. Оптическое стекло. 70. Свобода. 71. Отваривание.

По вертикали:

- Растительный мир. 2. Влокада. 3. Часть дерева. 4. Молоко кобылы. 5. Пособие. 6. Выяснение. 7. Тень. 8. Область в РСФСР. 13. Представитель национальности. 14. Юнец. 15. Недостаток. 17. Дикое животное. 18. Представитель государства. 19. Успех. 21. Весёлый человек. 23. Заключительная машина. 24. Перемещение пути на железной дороге. 25. Неопределённая территория СССР. 27. Часть завода. 28. Состояние. 29. Становление члнана. 30. Вольный. 35. Хищный зверь. 36. Вид грунта. 42. Часть ветра. 45. Обоняние «сильных». 46. Хранитель. 47. Зверёк. 49. Промысел. 52. Вид выступлений на сцене. 54. Электромонтажный прибор. 56. Скобяной товар. 58. Головной прибор. 59. Валение придорож. 61. Часть вещества. 62. Окружение обобщено. 63. Торжественный зипп. 64. Дорога. 65. Наука.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД ПОМЕЩЕННЫЙ В № 11

По горизонтали:

- Парадос. 11. Аэродром. 12. Коловорот. 13. Котна. 14. Ущерб. 16. Сеть. 17. Предложение. 18. Сталь. 19. Галитер. 23. Животная. 25. Штурвал. 29. Америка. 30. Шкала. 32. Крестов. 32. Луна. 34. Арик. 35. Рельс. 38. Трой. 39. Зетра. 40. Осад. 46. Охлянка. 41. Ливадия. 44. Чекаки. 47. Циклор. 52. Остан. 53. Авиационский. 54. Саржа. 57. Спирт. 59. Тёрка. 60. Рингостол. 61. Сквизина. 62. Лестница.

По вертикали:

- Салфетка. 2. Понма. 3. Оскарда. 4. «Пом». 5. Ватушка. 6. Орден. 7. Поддежка. 9. Кинжаль. 10. Гротеск. 12. Капур. 20. Загар. Ратгетский. 28. Строганение. 29. Домоносов. 34. Врёт. 36. Вертеринг. 37. Спирт. 38. Силеро. 39. Шинфи. 41. Арина. 47. Арка. 48. Инстинкт. 49. Аванс. 49. Елбуга. 46. Кассета. 48. Осад. 49. Индикатор. 50. Интракст. 51. Инстопль. 52. Филин. 56. Трота. 58. Клейн.

Редакторы: А. Суров (редактор), Н. Асеев, Е. Долматовский, Н. Жуков, А. Космодемьянский, Г. Кулик, В. Лидин, Б. Полевой.
Адрес редакции: Москва, 49. ул. «Правды», 24. А — 62556. Подписано к печати 16/VI 1948 г. Зак. № 1690. Тираж 60.000 экз. Изд. № 330.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Стихи Ц. Сологдара
Муз. Л. Бекалова

Песня Молодцы

В TEMPO МАЛДО

Вот мы с тобой, дружок, пойдём на фронт,
И в бою мы вместе с тобой,
И в бою мы вместе с тобой,
И в бою мы вместе с тобой.

Веселыми потоками,
Колосками широкими
Нагнет молодость страны,
Ряды её веселые,
Пути её светлые,
Звездой Кремля озарена.

ПРИПЕВ.
Молодость Страны Советов,
Молодость молодость,
Космосом стальным согрета,
Созидая цели ты добши!

Идут вперед, упорные,
И лесом дружеские поют
И лесом мечтания,
Про славу державы,
Про честь, и молодость, и труд.

ПРИПЕВ.
И вся Отчизна милая
Твоей могучей силой
Гордится славою Космосом,
Ты злата надеждою,
Ты армия заводов, сёл,
Краса волжко, заводок, сёл.

ПРИПЕВ.
Пускай за океаном,
За черными туманами —
Приди безудержно сиять —
Мы Грозной испепелены,
Мы Грозной испепелены,
Мы счастливы счастьем отстоять!

ПРИПЕВ.
Молодость Страны Советов,
Молодость молодость,
Космосом стальным согрета,
Созидая цели ты добши!

